

Ба 3923

11

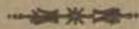
Ба 3923

В. И. ПЕРЕХОД.

Проф. Белорусск. Государствен. Унив-та
и Института Сельск. Хоз. в г. Минск.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
ОСНОВАНИЯ
ЛЕСОВОДСТВА.

(Опыт марксистского обоснования лесозаготовки)

Издательство „Белтрестпечатъ“
МИНСК. * * * 1923 г.

5-2273

5-2273

Ба 3923

634.9

✓

В. И. Переход.

Профессор Белорусского Государственного Университета
и Института Сельского Хозяйства в гор. Минске.

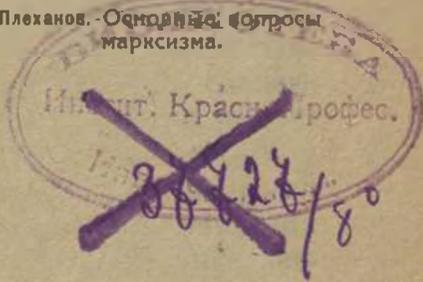
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ЛЕСОВОДСТВА.

(Опыт марксистского обоснования лесозащиты)

... „Влияние материализма Маркса на многих из нынешних специалистов было бы как нельзя более благотворно в том смысле, что оно научило бы их принимать во внимание другие факторы, кроме технического“...

Г. В. Плеханов. - Основные вопросы марксизма.

Бел. архив
1994 г.

Издательство „Белтрестпечать“
МИНСК. * * * 1923 г.

Инд. 1983 г. Ба 3923.

5492

„Здесь,—опять, как и везде,—
только материализм способен дать
научное объяснение хода идей“

Г. В. Плеханов. Основные во-
просы марксизма. 2-е изд. 1922 г.

* * *

Ближайшим поводом к появлению настоящего *)
лесоэкономического этюда послужило издание Рос-
сийской Академией Наук—первого лесного сборника,
под названием: „Лес, его изучение и использование“
(Петроград. 1922 г.).

В этом сборнике имеется, между прочим, статья
проф М. И. Боголепова: „К вопросу о лесной эко-
номии“, в которой автор указывает, что „лес вовле-
кался в орбиту внимания экономистов лишь тогда,
когда он приобретал товарную форму“, и что поэто-
му „политическая экономия должна подойти к лесу
ранее момента превращения его в рыночный товар“
(стр. 135 и 137).

Повидимому, М. И. Боголепов полагает, что соз-
дание науки—лесной экономии—возможно при усло-
вии рождения „такого учения, которое должно было-
бы изучить экономические законы лесного хозяйства,
исследовать всю длинную экономическую стадию,
прелюдующую момент превращения леса в рыноч-
ный товар“ (стр. 136).

Работая в области лесоэкономических вопросов
с 1914 г. (эта дата относится ко времени появления
в печати наших первых „Очерков по экономике лес-

*) Я не говорю уже о совершенно ясной необходимости приучить сту-
дентов пользоваться марксистским методом при изучении отдельных отраслей
народного хозяйства. Авт.

ного хозяйства“), мы пришли к выводу, что только изучая „*процесс превращения леса в товарную форму*“, т. е. анализируя в лесном хозяйстве товары — мы сможем, идя по тому пути, который указал нам К. Маркс, познать экономическую структуру лесоводства.

Задача настоящей работы и заключается в том, чтобы показать—зависимость лесоводства от его экономики, т. е. показать, что „здесь,— опять, как и везде,—только материализм способен дать научное объяснение хода идей“...

Становясь, таким образом, на точку зрения марксизма,—мы имеем в виду не только способствовать выработке определенного миросозерцания в области лесных знаний („*марксизм это—целое миросозерцание*“, говорил Г. В. Плеханов) в среде *своих слушателей* и лесоводов, но и объяснить бесплодность попытки создания лесной экономики „вне основных течений экономической теории“, вне марксизма.

Разумеется, мы заранее предвидим не только ряд возражений, но и собственных ошибок, но бояться их—это значило-бы стоять на одном месте. Противопоставляя элементу „становления“ и неподвижности застывших форм—всю силу диалектики движения,—новое, марксистское направление в лесной экономике, несомненно, оживит весь имеющийся материал и сделает его идеологически осмысленным.

„Экономисту, изучающему законы народо-хозяйственного развития,—говорит М. И. Боголепов,—наука лесоводственная стала чуждой и скучной, так как в ней он мог почерпнуть столь-же мало полезных для него сведений, как напр., во всевозможных технических дисциплинах, как-то в „учении о паровых котлах“, или—„о коксующихся углях“...“

Чтобы этого не было, необходимо попытаться осветить лесное хозяйство с иной точки зрения—социально-производственных отношений, возникающих на

почве удовлетворения потребностей в древесине и связанных с этим действий.

Самое наименование нашего этюда указывает, как предмет, о котором будет идти речь, так и метод его изучения.

Полагаем, что специалисты-лесоводы, привыкшие подходить к лесу с точки зрения техники, не обойдут вниманием нашу попытку марксистского изучения лесоводства,—и помогут мне в дальнейшем расширить и углубить познание тех экономических оснований, которые составляют фундамент их повседневной работы.

I.

В 1865 году в журнале: „Сельское Хозяйство и Лесоводство“ была помещена переводная статья В. Рошера *) под названием: „Экономические основания лесоводства“.

Вильгельм Рошер известен всем тем, кто когда-либо изучал историю экономических учений, как один из основателей так называемой исторической школы в экономической науке, выпустивший в 1843 году программу университетских лекций по историческому методу. Позднее, он написал трехтомный труд: „Системы народного хозяйства“ (System der Volkswirtschaft); первый том вышел из печати в 1854 г., второй—в 1866 г. и третий в 1881 году. Стало быть, указанная выше статья В. Рошера написана была в момент расцвета его таланта, и если в этой статье нет никаких идей и оригинальных воззрений, а тем более даже намек на научную теорию, то виною этого не сам автор, а тот метод, которым пользовалась историческая школа, не только не создавшая к-л. экономической теории, но скорее способствовавшая тормазу в ее развитии.

Приводя ряд цифровых данных, касающихся лесоводства (в большинстве случаев заимствованных у Гундесгагена, Гартига и Пфейля) и говоря о том, что „Интенсивное хозяйство преобладает в странах богатых, густонаселенных и цивилизованных, а экстенсивное—в бедных, малонаселенных и малообразован-

*) То-же самое название сохраняем мы и сейчас, но только с добавлением, указывающим на то, что подход к предмету иной, чем у представителя исторической школы.

Автор.

ных“, Вильгельм Рошер только констатирует факты, но не вскрывает их причин и, что важнее всего, не дает никакой руководящей нити, с помощью которой мы могли бы разобраться в пестрой сложности изучаемых явлений.

И если считать правильным то положение*), по которому: „В науке мы ценим то, что она ведет нас к классификациям и системам, независимым от индивидуальности мыслителя, что с ее помощью—мы находим связь и законы“, то статья В. Рошера: „Экономические основания лесоводства“ не может считаться вполне научной, как не обладающая ни одним из упомянутых признаков.

Те соображения, которые заставили нас, несмотря на сказанное, начать рассмотрение „Экономических оснований лесоводства“ со статьи В. Рошера, заключаются в следующем:

—1) Вильгельм Рошер трактует ту же тему, к которой подходим и мы, пытаясь отыскать экономические основания при ведении лесоводства;

—2) Вильгельм Рошер первый из экономистов подошел к лесоводству и совершенно верно отметил, что:

„Лесоводство сложилось, имея в виду достижение практических целей (непрерывного и выгоднейшего пользования лесами) частью из естественных наук, частью из экономических начал“. И далее: „Экономические начала применяются ко всем тем случаям, когда имеется в виду ценность лесных произведений“.

Правда, еще в 1808 году знаменитый лесовод Георг Гартиг в книге: „Lehrbuch für Förster“, придерживаясь системы прошлого века (Бургдорфа), *разделил все лесоводство на две части: высшее и низшее. К высшему лесоводству Г. Гартиг причислял лесную таксацию и лесоуправление (Forstdirection),*

*) К. Pearson. Грамматика науки

а к низшему—учение о возвращении, охранении и употреблении лесов.

К тому же, в сущности, выводу пришел под конец своей жизни покойный профессор Г. Ф. Морозов *), сказав о делении лесоводства следующее: „научная природа лесоводственной дисциплины довольно сложна и, прежде всего, она делится, как с.-х. науки, на две группы: на область лесоводственного естествознания и тесно связанной с ним техники, и на другую отрасль — лесоводственного обществоведения или экономики“ (стр. 11).

Таким образом, мы имеем, с одной стороны, натуралистические основания лесоводства (лесоводственное естествознание) и с другой—экономические основания лесоводства (лесоводственное обществоведение или экономика).

Первая отрасль знания вылилась в настоящее время в особую дисциплину „Лесоведение“, блестяще набросанную упомянутым уже выше проф. Г. Ф. Морозовым и являющуюся базисом для лесного растениеводства, для лесоводственной техники.

— „Лесоводство“—писал Г. Ф. Морозов**)— „есть социальное растениеводство, есть сознательное с нашей стороны регулирование социального процесса, наблюдаемого в лесу. И вот потому я первым именем, памяти которого хотел посвятить свой труд, поставил первого биосоциолога, т. е. Дарвина“. (см. „Основания учения о лесе“. Симферополь 1920 г.).

Теме „Дарвинизм в лесоводстве“ была посвящена проф. Морозовым специальная статья в „Лесном журнале“ (1913 г., вып. 1—2).

В оставленной Г. Ф. Морозовым незаконченной рукописи имеется следующее место:

„Не быть дарвинистом, будучи лесоводом,— не

*) См. „О постановке лесоводственного образования в Университете“ Проф. Г. Ф. Морозов. Первый лесной сборник К. Е. П. С. Петроград, 1922 г.

**) Статья проф. Г. Высоцкого: „Георгий Федорович Морозов“ в „Приложении“ к „Основаниям учения о лесе“. 1920 г.

мыслимо; борьба за существование, т. е. соперничество индивидуумов, представляет явление, с которым лесоводы постоянно имеют дело и не могут его не замечать“ (Проф. Г. Высоцкий. 1920 г.).

Итак, лесоводственное естествознание одухотворено идеями Ч. Дарвина, который является одним из тех, принципы учений которых легли в основу лесоводства (Дарвин, Докучаев и Гайер), по словам самого основателя натуралистической школы лесоводов—проф. Г. Ф. Морозова.

Но если Чарльз Дарвин открыл закон борьбы за существование в природе, то Карл Маркс открыл тот же закон в человеческом обществе.

„Подобно тому, как Дарвин открыл закон развития органической природы, Маркс *) открыл закон развития человеческой истории“

Таким образом, дарвинизм и марксизм, взаимно дополняя друг друга, должны являться той основой, на которой строится лесоводство, сложившееся „частью из естественных наук, частью из экономических начал“.

И также, как, применяя учение Дарвина к лесоводственному естествознанию, мы познаем изменяемость лесоводственных явлений, законы развития лесных сообществ-насаждений,—точно также, пользуясь учением Карла Маркса, в лесоводственном обществоведении или экономике (по терминологии Г. Ф. Морозова)—мы сможем „найти закон изменяемости **) хозяйственных явлений, закон их развития, т. е. перехода от одной формы к другой, из одного порядка взаимоотношений к другому“.

Казалось-бы, поэтому, что, если „не быть дарвинистом,—будучи лесоводом,—не мыслимо“ то и „не быть марксистом, работая в области лесного хозяйства,—невозможно“.

*) Прощальные слова Энгельса над гробом Маркса. Меринг. К. Маркс—История его жизни. Стр. 428—9.

**) См. Генрих Кунов. „К пониманию метода исследования Маркса“. „Основные проблемы пол. экономии“. Госизд. 1922 г. стр. 62,

Фактически, однако, мы не всегда наблюдаем такую параллель. И в то время, как дарвинизм завоевал себе прочное место в лесоводстве, марксизм все еще продолжает оставаться непризнанным.

II.

... Для того, чтобы ознакомиться с вопросом о том, какие течения экономической мысли находили—до настоящего времени—свое отражение в лесоводственной литературе, мы должны несколько остановиться, хотя-бы на отдельных моментах „вспышек интереса к вопросам лесной экономики“) на русской почве“...

„Все мы, русские лесничие, знаем,—говорил Д. Кравчинский,—что родиной правильного, идейного, принципиального лесного хозяйства надо считать Германию“, и что: „технику и учение о лесном хозяйстве“ мы получили „от наших германских учителей“ (см. „О типах лесонасаждений в их хозяйственном значении“. СПб. 1909 г.).

Вот почему нам придется искать корней русской лесоэкономики в Германии. Первой книгой положившей начало научному развитию лесохозяйственной экономики была книга W. Moser'a: „Grundsätze der Forstökonomie“ (1757 г.). В этой книге В. Мозер изложил главнейшие правила лесовозращения, лесоохранения, лесной технологии и лесоуправления.

В заключении Мозер коснулся вопросов государственного лесного хозяйства (опеки правительства над частными и общественными лесами).

С 1770 года в германских университетах начинается преподавание лесоводства на камеральных факультетах, которое, однако, заменяется впоследствии—наукой о государственном лесном хозяйстве (Staatsforstwissenschaft) или лесной политикой (Forst-

*) См. „Об изучении русского леса с экономической точки зрения“. С. Н. Недригайлов. Первый лесной сборник. Петроград. 1922 г. Стр. 150.

politik). При этом господствующим направлением в теории лесного хозяйства было—меркантильное, т. е. как раз именно то, которое царило в экономической литературе того времени.

Меркантилизм господствовал не только в Германии; сильнее и решительнее он был проявлен во Франции, где со времени Кольбера и его „Ordonance sur le fait des forêts“ меркантилизм охватил лесное хозяйство в значительной степени. Усиленной регламентацией и принудительными мерами меркантилизм довел лесное хозяйство до состояния полного упадка.

Меркантильная школа, как известно, уступила свое место физиократам—этим горячим проповедникам господства природы, полагавшим, что богатство составляется из совокупности сырых продуктов, к накоплению которых и должна стремиться хозяйственная деятельность человека.

От школы физиократов теория лесного хозяйства заимствовала идею о количественной или абсолютной спелости (дерева или насаждения), которую профессор Турский называл „экономической спелостью“.

Как известно, количественная спелость соответствует моменту кульминации среднего прироста, т. е. максимальному производству сырораствующей древесины, что и соответствовало вполне требованиям школы физиократов (Франсуа Кене, Тюрго и др.).

Ф. Юдейх совершенно верно отметил в своем курсе „Лесоустройства“ (Die Forsteinrichtung), что принцип этой спелости и построенного на ней оборота рубки *„составляет лишь применение к лесоводству физиократической системы политической экономии“* (2-ое изд. § 19).

Во второй половине 18-го столетия французскую школу физиократов, имевших своих последователей в Германии, сменил Адам Смит, выпустивший в 1776 г. свое знаменитое: „Исследование о природе и причинах богатства народов“.

В отличие от меркантилистов и физиократов,

А. Смит считал богатством совокупность предметов, удовлетворяющих нашим потребностям. Основным двигателем экономической жизни являются у Смита не деньги, не силы природы, а труд человека, приложенный к материалам или продуктам, доставляемым природой. При этом А. Смит имел твердое убеждение, что тот образ действий, который диктует человеку его личная выгода, более всего совпадает с истинными интересами общества. Это—почти мистическое представление о „невидимой руке“, о каком-то естественном, вне человеческой воли лежащем законе, который направляет действия отдельных лиц ко благу целого, выражено совершенно определенно и ясно во многих местах „Богатства народов“. Отсюда—защита частных интересов и требование для каждого индивидуума полной свободы в области хозяйства.

Учение А. Смита сказалось и на лесном хозяйстве. Пруссия приступила к продаже казенных лесов—частным лицам, пока Г. Гартиг, ставший в 1811 году во главе прусского лесного управления не воспротивился этому. Приложение частного-хозяйственного принципа к лесам было подвергнуто сомнению; зародился интерес к вопросам значения леса для государства и возникла новая *наука о государственном лесном хозяйстве*. К числу представителей этой науки в Германии относятся: Späth, Hartig, Seutter, Лаугор, Meyer, а также и Pfeil (последний ратовал первоначально за полную свободу лесной собственности).

„На почве такого положения вещей,—говорит проф. М. И. Боголепов *)—произошло рождение частного дитяти, именуемого „государственным лесным хозяйством“ или „лесной экономией“, т. е. рождение такого учения, которое должно было-бы „изучить экономические законы лесного хозяйства, исследовать

*) См. „Лес, его изучение и использование.“ К вопросу о лесной экономике. Петроград. 1922 г.

всю длинную экономическую стадию, предваряющую момент превращения леса в рыночный товар“...

У нас, в России, первым, кто стал читать лекции по государственному лесному хозяйству, был проф. А. Ф. Рудзкий, который сам писал о своем курсе следующее: „я читаю его в рамках записок моих, изданных в 1882 г., т. е., я рассматриваю значение леса, экономические свойства лесного хозяйства, значение государственного лесовладения сравнительно с частным и вмешательство государства в частное лесное хозяйство“. (Из журнала Совета СПБ. Лесного института от 15 января 1885 года).

Как видно из слов А. Ф. Рудзкого, курс государственного лесного хозяйства не был кристаллизован в чистом виде, а представлял собою частью лесоэкономическую теорию, частью же лесоэкономическую политику.

„Лекции государственного лесного хозяйства“ проф. А. Ф. Рудзкого, читанные им в 1885—1886 г.г.*) заключают в себе две главы: 1) значение леса в народном хозяйстве и 2) роль государства в лесном хозяйстве страны.

Первая глава рассматривает прямое и побочное пользование, аффектированные ценности леса и особенности лесного хозяйства.

В этой главе проф. Рудзкий выступает, как определенный сторонник школы Адама Смита. В статье: „Особенности лесного хозяйства“ А. Ф. Рудзкий говорит буквально следующее: „Личный интерес есть самый могущественный во всякого рода улучшениях; он один вполне способен побудить к приисканию наиболее выгодных способов хозяйства“. (Стр. 90).

Во второй главе, однако, проф. Рудзкий признает „за государством право вмешиваться в самые законные права собственности частных лиц“ (стр. 104) и даже пишет „О вреде народному хозяйству от полной свободы частного лесовладения“ (стр. 105).

*) См. „Лесной журнал“. 1918 г. Вып. 1—2 Приложение.

Таким образом, в первой главе мы находим исповедание частнохозяйственного принципа, а во второй—необходимость его ограничения. Последний вопрос не относится к экономической теории, и смешение ее с экономической политикой, с мерами, при помощи которых „государство может достигнуть известных, практических важных целей“—напоминает тот период в истории экономической науки, когда учение о государственном управлении смешивали с политической экономией. Такое смешение, по словам проф. А. Скворцова*), „представляется крайне вредным, т. к. в силу этого возникает мысль, что политическая экономия может преследовать к.-н. практические цели, делать предписания, регламентации и т. д.“ (Стр. 27).

В истории развития лесной экономии означенный период еще не изжит, доказательством чего служит хотя бы приведенное выше положение о „государственном лесном хозяйстве“ или „лесной экономии“. (Проф. М. И. Боголепов. „К вопросу о лесной экономии“ 1922 г.).

...То же самое находим мы и в „Истории лесоводства“ (1895 г.), где автор (Ф. К. Арнольд) говорит, что „можно и не соглашаться в необходимости переименования прежнего государственного лесного хозяйства в лесную экономию“. (Стр. 378-я).

Гораздо более ценной и выдержанной является другая работа проф. А. Рудзкого: „К вопросу о прямой роли леса в народном хозяйстве“. (Из лекций**) по Государственному Лесному Хозяйству, читанных проф. А. Ф. Рудзким в 1901 г. в Лесном Институте).

В этой работе проф. Рудзкий говорит о материальных выгодах леса от прямого пользования, о значении лесных товаров и степени заменимости их, о современной роли делового леса и побочных пользо-

*) См. „Основания политической экономии“. Составил А. Скворцов. СПб. 1898 г.

***) См. „Лесной журнал“ за 1906 г., № 5.

ваниях, о доходности лесов и количестве работы, доставляемой народу лесом. Все это вопросы—лесной экономии, правда, не систематизированные, не обработанные, но все-же богатые фактическими данными.

Кроме А. Ф. Рудзкого, к вопросам лесной экономии очень близко подошел Ф. К. Арнольд.

В „Русском лесе“. (Том II-й, часть 1-я) имеется особая глава об „Экономических элементах лесного хозяйства“, в которой, между прочим, автор рекомендует: „прежде ознакомления с техникой лесного дела, прочитать к.-л. курс или очерк политической экономии, чтобы уяснить себе основы и особенности лесного дела, как хозяйства“. (Стр. 1-я).

Ту-же мысль, в сущности, выразил и Г. В. Плеханов, когда он говорит о том, что „влияние материализма Маркса на многих из нынешних специалистов было-бы как нельзя более благотворно в том смысле, что оно научило-бы их принимать во внимание другие факторы, кроме технического“. (См. „Основные вопросы марксизма“).

В главе „Экономические элементы лесного хозяйства“ Ф. К. Арнольд указывает, что: „Занятие лесным хозяйством есть один из многочисленных видов промышленной деятельности человека, направленной к добыванию или производству предметов, необходимых для удовлетворения потребностей отдельных лиц, обществ или целого государства“. („Русский лес“. Том II. Часть 1. Изд. 1-ое 1891 г.).

Далее Ф. К. Арнольд останавливается на рассмотрении факторов производства: природы, труда и капитала, а также и „неудобствах сдачи лесов в аренду“, причем ссылается на упомянутого в начале экономиста Рошера. Говоря о значении труда в лесном хозяйстве, Ф. К. Арнольд, между прочим, приводит следующее соображение: „Хоть малейшая степень участия труда необходима для того, чтобы *дикий лес* обратить в *лесную дачу*“. (Стр. 24-я).

В конце главы об „Экономических элементах лесного хозяйства“ (название не совсем удачное, ибо Ф. К. Арнольд останавливается только на факторах производства, почти не касаясь внешних факторов) автор рекомендует*) „благосклонному читателю“ — „разучить по курсу политической экономии, с одной стороны—суть капиталистического производства, с другой—значение в нем прибавочного труда“ (см. стр. 31-я).

III.

... В том же 1891 году, которым помечено первое издание (СПБ.) 1-ой части второго тома „Русский лес“ (15 февраля), содержащее главу об „экономических элементах лесного хозяйства“, вышел из печати в Варшаве труд А. Краузе: „Народо-хозяйственное значение деятелей лесного производства“ (Предисловие датировано: апрель, 1891, Новая Александрия).

Таким образом, оба автора (Ф. К. Арнольд и А. Краузе) работали над вопросами лесной экономии почти одновременно. Но А. Краузе не ограничился лишь одним рассмотрением факторов производства (природы, труда и капитала), а поставил вопрос значительно шире, вплоть до „самостоятельности науки о народном лесном хозяйстве или лесной экономии“ (стр. 3), не говоря уже о том, что и самое рассмотрение трех названных факторов было произведено А. Краузе, впервые в русской лесной литературе, не только значительно подробнее, но и более научно, чем это сделал Ф. К. Арнольд, у которого подход к изучению экономических элементов лесного хозяйства носит несколько беллетристический характер, свойственный вообще, наиболее ранним стадиям научного развития.

*) Не лишне отметить здесь, что „благосклонные читатели“, каковыми были по-преимуществу специалисты-лесоводы не только не восприняли завещание своего учителя, но и обходили вниманием экономическую науку, на что дальше указывает А. Краузе.

Автор.

Инв. 1000 г. б. 3923

Причины того, что лесная экономия сильно отстала в своем росте, по мнению А. Краузе, „кроются в историческом развитии лесного хозяйства и, между прочим, в том, что политико-экономы считали лесоводство слишком частным случаем экономии народа, а лесничие увлекались техникою своего дела“ (из предисловия).

Между тем, „деятельность лесного хозяина только тогда может быть плодотворною, если он с начала производства будет иметь в виду сбыт, которым управляют законы политико-экономические“ (Введение). Отсюда—необходимость выделения особой отрасли знания—лесохозяйственной экономии,—которая „имеет своим предметом исследование общественного элемента в лесоводстве“ (стр. 5-я А. Краузе).

„Объем и содержание лесной экономии (по словам ее основоположника) определяются тремя фазами народного хозяйства: производством, распределением и потреблением“.

Сам А. Краузе, дав только первую часть лесной экономии („лесопроизводство“), не нашел: „того благоприятного для автора времени, когда бы он мог приступить к изданию полного сочинения“. Так обр., лесораспределение и лесопотребление не были написаны А. Краузе; он только дал для этих отделов нижеследующую программу:

Лесораспределение.

Орудия распределения: а) цена леса и его произведений; б) деньги (влияние курса на лесную торговлю); в) лесохозяйственный кредит. Организация распределения: а) форма лесной собственности (обременение сервитутом); б) доход, причитающийся на долю участников лесного производства (рента, барыш предпринимателя).

Лесопотребление.

Целесообразное потребление произведений леса: а) статика лесопотребления (удовлетворение совре-

менных нужд народонаселения в лесе и его произведениях); б) динамика лесопотребления (удовлетворение нужд возрастающего народонаселения).

Бесцельное потребление леса (лесоистребление — разрушение лесного имущества): а) разрушение леса от чрезмерного сбережения (скупости), расточительного потребления, чрезмерного и самовольного пользования; б) разрушение лесного имущества от стихийных причин (пожары, вредные насекомые, ветры) и меры к их устранению (лесное страхование).

Мы не можем останавливаться здесь на разборе этой программы, укажем только, что она имеет безусловно правильное построение и очень жаль, что она не была выполнена автором; по крайней мере, в настоящее время мы не вели-бы дискуссии о том, что такое лесная экономия и каково должно быть ее содержание.

Кроме того, как только А. Краузе, покончив с вопросами лесопроизводства, перешел бы к вопросам распределения, он не мог-бы не стать на тот путь, на который становимся и мы в настоящей работе.

К сожалению, этого не случилось, и А. Краузе остался поклонником исторической школы. По крайней мере, в своем труде А. Краузе говорит, что „Смитовская экономическая система, названная Hess'ом Industrie system, Schwappach'ом—Freihandelssystem a Weber'ом, совершенно неправильно, Manchestersystem“... „упустила из виду присущую государству самостоятельную экономическую жизнь“. Поэтому А. Краузе высказывается за ту разумную политику „начало которой было положено Листом (1841 г.), его сочинением „Das nationale System der politischen Oekonomie“. Касаясь группы экономистов, именующей себя социально-этической школой (Kathedersocialisten), А. Краузе говорит, что учение это „имеет практическое значение и для лесного хозяйства“.

Был ли знаком А. Краузе с экономическим учением К. Маркса — нам неизвестно, ибо никаких упо-

минаний и ссылок на это в „Народохозяйственном значении деятелей лесного производства“—нет.

Из методов, которым должна пользоваться лесная экономия, А. Краузе говорит, что „статистический занимает первое место; за ним должен следовать исторический метод, состоящий в том, что лесохозяйственные явления рассматриваются с самого начала их существования, или с того времени, когда они стали для нас заметными“ (стр. 10-я).

Каких либо указаний или намеков на возможность применения марксистского метода к изучению лесной экономии—не имеется.

За А. Краузе в русской лесной литературе следуют два видных автора: 1) М. М. Орлов и 2) А. Г. Марченко. Первому принадлежит—имеющая большое значение для лесоэкономики—статья: „Содержание и цели лесоустройства“ („Известия СПб. Лесного Института“ Вып. 9 1903 г.), а второму—две статьи, помещенные в журнале: „Сельское хозяйство и лесоводство“ (1915 и 1916 г.г.)

Статья: „Содержание и цели лесоустройства“ представляет собою вступительную лекцию, читанную автором в Лесном Институте в 1901 году. Здесь мы находим, прежде всего, указание на то, что „лесное хозяйство предполагает известное отношение человека к лесу“ (стр. 243-я) и что „для надлежащей ясности было-бы правильнее отдел лесоводства, занимающийся изучением экономических особенностей лесного промысла, называть лесохозяйственной экономией или экономикой лесоводства“ (стр. 252-я).

В дальнейшем изложении, намечая подразделение названной дисциплины, проф. Орлов говорит, что „экономика лесоводства представляется состоящей из трех частей: первой, об экономических особенностях факторов лесного хозяйства и различных форм его, второй, об основах способов организации хозяйства и третьей, об экономических принципах управления и счетоводства в лесном хозяйстве“ (стр. 255).

Задаваясь вопросом о том, „какими методами приходится пользоваться при разработке занимающей нас отрасли знания“, проф. Орлов указывает, что „приложение индуктивного метода здесь более ограничено, чем в области техники лесоводства, в данном случае нельзя применять опытных исследований, как это делается иногда в лесовозращении, в силу того, что экономический опыт пришлось-бы продолжать очень долгое время и при неодинаковых условиях, что не позволяло-бы рассчитывать на правильность заключения, зато в экономике лесоводства, как и вообще в экономической науке, приходится широко пользоваться дедукцией, логическими выводами из некоторых основных положений принятых за истину“ (стр. 256).

Другой автор, проф. Марченко в статье: „Конечная цель и ближайшие задачи устройства лесов“ (1915 г.) поясняет, что „Рациональная организация хозяйства в устраиваемой даче, преследуя интересы лесовладельца, не должна нарушать общих народно-хозяйственных интересов“ (С.-х. и лесоводство. Февраль. Стр. 239).

То-же самое было высказано Генрихом Котта, который еще в 1820 году говорил, что „При ведении правильного хозяйства в казенных лесах не столько должно соображаться с состоянием их, сколько с потребностью и нуждами народа“ (Anweisung zur Forsteinrichtung und Abschätzung).

...Эти точки зрения в лесном хозяйстве отражают взгляды представителей школы эклектиков. Один из представителей этой школы, Адольф Вагнер в своем труде „Grundlegung der politischen Oekonomie“ говорит, что народное хозяйство должно покоиться на трех принципах, ведущих к образованию различных систем: 1) частно-хозяйственной, 2) общественно-хозяйственной или социалистической и 3) каритативной (caritas—милосердие).

Принцип частного хозяина слишком узок и не-

достаточен для достижения целей общего блага. Об этом, между прочим, писали почти все лесоводы, доказывавшие необходимость ограничения частной лесной собственности. Благодаря этому, появился лесоохранительный закон, как в Западной Европе, так и в России. Но, проповедуя по отношению к лесам общественно-хозяйственный принцип, многие лесные авторы стояли и за сохранение частно-хозяйственной системы; одновременно с этим широко практиковался в лесном хозяйстве и каритативный принцип (бесплатный отпуск леса погорельцам, семьям мобилизованных и проч.).

Так обр., большинство лесоводов прежнего времени были сторонниками социально-политического направления, особенно широко распространенного в Германии.

Особый интерес представляет статья проф. А. Марченко: „Экономика лесоводства, как особая, специальная дисциплина“ (1916 г. С.-Х. и Л.). В этой статье указываются особенности лесного хозяйства, приводится литература по лесоустройству, более интересная для организации лесного хозяйства, чем для теории. Говоря о методах, проф. Марченко сообщает, что: „В экономике лесоводства господствующим методом является метод дедуктивный“ (стр. 543-я).

„Но, применяя при решении проблем лесохозяйственной экономики, главным образом, дедуктивный метод,—говорит проф. Марченко,—мы в то-же самое время нередко прибегаем и к методу индукции“ (Ibidem).

Так обр., складывается полная возможность, с методологической стороны, применить к изучению лесного хозяйства—метод Маркса.

Мы знаем, что у К. Маркса *) „дедукция была тесно спаяна с индукцией, последняя предшествовала первой, абстракции—анализ действительных от-

*) См. А. Ю. Фин-Енотаевский. К. Маркс и новейший социализм. Петроград 1922 г.

ношений, изучение богато накопленного материала“... (стр. 63).

Правда, проф. Марченко, по отношению к лесной экономии, рекомендует обратный путь. „Дело в том, — говорит он, — что выводы, полученные путем дедукции, представляя собою теоретические положения, нуждаются в проверке фактами, т. к. без такой проверки они не „могут иметь должного значения для практики“.

Мы не совсем согласны с этим, ибо *): „Единственным доказательством неправильности того или иного абстрактного вывода в лесном хозяйстве может служить только обнаруженная неверность при построении силлогистических рассуждений“. Как известно, логически правильно понимаемые научные законы — общезначимы, и простая ссылка на факты, вместо логического опровержения, „является доказательством лишь убожества теоретической мысли“ тех экономистов, которых М. И. Туган-Барановский назвал „плохими“ (см. „Основы Политической экономии“. Пятое издание. 1918 г. Стр. 34 я).

Неудовлетворительное современное состояние экономики лесоводства проф. Марченко объясняет тем, что главный продукт леса (древесина) очень долгое время, особенно в лесистых местностях, оставалась даровою полезностью; значение ценности или хозяйственного блага она получила сравнительно недавно. (стр. 544).

„Лесное хозяйство есть отрасль народного хозяйства, — говорит проф. Марченко — поэтому на него „распространяются все основные положения науки об этом хозяйстве — политической экономии“ (стр. 549).

IV.

... В интересах полноты укажем на наши первые „Очерки по экономике лесного хозяйства“ (1914 г.) и

*) См. нашу статью: „К вопросу о методах изучения лесохозяйства“ 1922 г. журн. „Народное Хозяйство Белоруссии“. № 3.

первую книжку: „Лесная Экономия“, вышедшую в начале 1919 года. В этой последней мы разбили содержание лесной экономии на четыре составные части:

- 1) Учение о факторах лесного производства;
- 2) „ „ формах „ хозяйства;
- 3) „ „ лесной ренте (чистом доходе);
- 4) „ „ спелости леса.

Лесная экономия, по сделанному нами ранее определению, изучает законы и указывает приемы, с помощью которых при данных естественно-исторических и общественно-экономических условиях получается наивысший постоянный доход. (Введение, стр. 9-я).

Позднее, а именно: в 1922 г. *) мы дополнили указанные четыре части курса лесной экономии—пятой (о потреблении древесины), причем вся лесоэкономика нами разделена на: а) общую, в) частную и с) прикладную или практическую.

По словам С. Л. Франка, общественные науки могут быть разделены по следующим трем признакам:

I. *По их логической задаче*: на науки конкретно-описательные (исторические) и науки теоретические.

II. *По основным, изучаемым ими, общим моментам* общественного бытия—идеальной форме отношений и реальным процессам жизни—на науки феноменологические и реальные.

III. *По частным областям*, на которые может быть разложено общественное бытие, общественные науки разделяются на ряд специальных наук.**)

В статье „*Очередные задачи лесной экономики*“ (см. журн. „Сельское и лесное хозяйство“, №№ 1, 2 и 3 за 1921 г.) Н. Лютовский говорит, между прочим, следующее:

„... Зачатки лесной экономики у нас имеются,

*) См. наш курс общей лесоведения: „Теория лесного хозяйства“. Минск, 1922 г. Госиздат Белоруссии.

**) См. С. Л. Франк. Очерк методологии общественных наук. Москва, 1922 г. Стр. 110—111.

В дальнейшем ей остается осознать себя, в качестве самостоятельной дисциплины, расширить базу своих исследований и стать, в смысле методов работы, в большую близость к общей экономике, составляющей целое по отношению к лесной экономике, части его“ (стр. 190-я)

Это совершенно верно. Лесная экономия должна, наконец, осознать себя и стать ближе к общей экономике. Об этом писалось уже достаточно. Вопрос только в том, как это сделать.

В недавно вышедшем первом лесном сборнике, изданном комиссией при Российской Академии Наук, проф. М. И. Боголепов в своей статье: „К вопросу о лесной экономии“ говорит, что „политическая экономия должна подойти к лесу ранее момента превращения его в рыночный товар и проанализировать экономическую среду и экономические элементы лесного хозяйства с учетом тех принципиальных особенностей леса, о которых так полно, так ясно говорит лесоводственная наука“ (стр. 137-я).

„Из-за деревьев необходимо посмотреть на лес“, — говорит проф. Боголепов. — „Эта точка зрения не только сблизит науку о лесоводстве с политической экономией, но породнит ее с нею и будет залогом развития столь необходимой лесной экономии“ (Там-же).

„... Лесоводственная наука, не оставляя своей нынешней поглощающей ее внимание задачи, должна попытаться подойти к другой задаче, именно, к задаче построения схемы лесного хозяйства в народо-хозяйственной плоскости, т. е. к учету экономических законов лесного хозяйства и его структуры. Для этого придется стать выше лесного участка и посмотреть на лес, как на элемент народного хозяйства, как на часть народного богатства“ (Ibidem).

Выражая сожаление о том, что „постановка настоящей экономической проблемы леса стоит вне основных течений экономической теории“, профессор

Боголепов*) говорит следующее: „Адам Смит еще писал о „богатстве нации“, но и он уже перевел центр своего внимания с богатства на производство: а после Смита политическая экономия целиком сосредоточила свое внимание на учении о производстве, обмене и распределении, оставив в стороне понятие национального богатства, виднейшей частью которого и является лес.“

Но так-ли это?... Действительно-ли мы должны подойти к лесу ранее превращения его в товар? Неужели экономическая наука „после Смита“ оставила в стороне понятие богатства?...

На эти вопросы приходится отвечать отрицательно. К лесу „ранее момента превращения его в рыночный товар“ подходили почти все лесоводы, но что они находили там?.. Раньше—древесные породы (Арнольд, Турский), а затем типы лесонасаждений (Морозов, Крюденер, Высоцкий).

Взгляд на лес, как на элемент народного хозяйства был привит лесной науке у нас впервые проф. Рудзким, затем он был шире развит доцентом А. Краузе, который положил основы новой дисциплины—лесной экономии. Но и он не сумел подняться на ту высоту, с которой единственно возможно обозреть все лесное хозяйство, в целом, остановившись на обычных для лесоводства этапах: 1) почва, 2) климат, 3) древесные породы и т. д...

Очевидно, этот путь не мог дать и не дал возможности сконструироваться лесной экономии; он позволил собрать много ценных сведений о ценах на лесные произведения, об особенностях древесных пород и насаждений, но „из-за деревьев не было видно леса“, как части народного богатства.

Что-же такое это богатство?.. Выше мы ознакомились с воззрениями школы физиократов и Адама Смита, но эти учения мало способствовали развитию

*) Первый лесной сборник: Лес, его изучение и использование“. Петроград. 1922 г.

лесной экономии и правильному представлению о богатстве.

Понятие богатства было дано Карлом Марксом, который в первом томе*) своего „Капитала“ приводит следующее определение:

„Богатство обществ, в которых господствует капиталистический способ производства, представляет огромное скопление товаров, а отдельный товар—его элементарную форму“.

...„Наше исследование поэтому,—говорит К. Маркс,—начинается анализом товара“.

„Смещение технического исследования с экономическим было уже заранее исключено, ибо интересующий технику вопрос о том, как происходит процесс производства, здесь даже не ставится“—говорит Рудольф Гильфердинг.

„И также не выступает здесь на сцену сам готовый продукт со своими различными естественными особенностями. То, что нас здесь интересует, это—одна единственная, но весьма существенная особенность, которую предмет приобрел, а именно: способность его сделаться товаром, т. е. предметом, предназначенным не для потребления его владельца, а для других, для к.—н. члена об—ва. Тем самым предмет рассматривался, как простой символ, как посредник общественного отношения—отношения, которое могло возникнуть лишь при определенной форме общества и, конечно, могло быть лишь отношением между людьми, между членами этого общества, а не отношением между предметами“ (см. „Постановка проблемы теоретической экономии у Маркса“. Основные проблемы политической экономии. Сборник статей. Госизд. 1922 г.)

Отсюда становится понятным**)—почему „прихо-

*) См. „Капитал“ т. 1. Русский перевод В. Базарова и И. Степанова 1909 г. стр. 1.

**) См. „Об изучении русского леса с экономической точки зрения“ С. И. Недригайлов. 1922 г.

дится определенно констатировать отсутствие в России до настоящего времени самостоятельной научной лесоэкономической дисциплины, как прямой ветви политической экономии, т. е. „науки об общественных отношениях людей в пределах их хозяйственной деятельности, совершающейся в среде исторически развивающегося свободного менового хозяйства“. „Такой именно и должна стать лесная экономия, если она претендует на такое название“...

И также, как простейшим элементом, из которого построена ткань, составляющая матерьяльную основу организма, является клеточка, так и „наиболее общим и основным, отношением для капиталистического общества Маркс считает то общественное отношение, которое заключается в продаже рабочими своего труда капиталисту и в приобретении последним этого товара“ (см. „Приложение к вопросу о методе политической экономии Маркса“. Кооперативное издательство „Московский Рабочий“. 1923 г.).

До сих пор такой постановки вопроса в лесоэкономической литературе в России не было. И не только в России, но и в Западной Европе лесная экономия, олицетворенная в „государственном лесном хозяйстве“ (см. руководство Альберта: *Lehrbuch der Staatsforstwissenschaft*) или лесной политике (*Nur: die Forstpolitik*), питалась соками или старой классической школы или же учениями эклектиков.

Профессор Мюнхенского Университета Макс Эндрес в своем курсе лесной политики,*) со включением в него статистики лесов и лесного законодательства, говорит, между прочим, о факторах производства в лесном хозяйстве (почва, капитал, труд) и системах хозяйства, а также о доходах, влиянии леса на климат, водное хозяйство, о защитных лесах, о частновладельческом и государственном лесном хозяйстве и даже о полицейских мерах и прочем.

*) *Handbuch der Forstpolitik mit besonderer Berücksichtigung der Gesetzgebung und Statistik. Von Dr. Max Endres. Berlin. 1906 r.*

Такой же характер носят известная книга*) проф. Шваппаха: „Лесная политика, политика охоты и рыболовства“ (Dr. A. Schwappach. Forstpolitik, Jagd— und Fischereipolitik).

В этой книге А. Шваппах трактует вопросы производства в лесном хозяйстве, материальных доходов и невещественных полезностей леса, вопросы транспорта леса, развития лесного хозяйства, лесного образования, лесных сервитутов, лесной полиции и проч...

„Методология и систематическое изложение лесной политики,—говорит автор,—сравнительно мало еще развиты. Даже самое название „лесная политика“ не составляет пока общепринятого выражения“... „Чаще всего и притом до самого последнего времени употреблялось выражение „лесная полиция“... „Довольно распространены также названия: учение о государственном лесном хозяйстве и государственное лесоводство“... „Далее, в прежней литературе находятя обозначения: учение о лесоуправлении (I. Chr. F. Meyer) и учение о лесной администрации (Heicke, Stahel)“... .

Такая пестрота „имен, наречий“ объясняется той мозаичностью содержания, которой до самого последнего времени отличались курсы немецких авторов—лесоводов.

Несколько большую стройность приобретает классификация лесных знаний в текущие годы. Так, в немецком журнале: „Forstwissenschaftliches Centralblatt“ за 1923 г. (Heft 3)—мы находим**) такое подразделение лесных знаний:

A. *Betriebslehre*. Учение о производстве.

I. *Technologie* (Lehre von der forstlichen Technik)

Учение о лесной технике).

*) Русский перевод сделан А. Костяевым. СПб. 1907 г. Приложение к „Лесному журналу“. (бесплатное).

**) Zur Gliederung der Forstwissenschaft in Produktionslehre und Betriebslehre. Von K. Katzer. f. Oberförster in Regensburg. Seite: 102—103.

II. *Ökonomik* (лесная экономика) и
B. *Verwaltungslehre*. Учение об управлении (за-
ведывании).

К группе лесной техники относятся: 1) выращи-
вание леса (лесоводство-Waldbau), 2) охрана леса
(Forstschutz) и 3) лесопотребление (Forstbenutzung), а
также—4) лесная технология (forstliche-mechanische
und chemische Technologie oder forstliche Technologie),
а также лесной транспорт и торговля (Transport-und
Handelsbetrieb)

К группе лесоэкономических дисциплин отнесены:
1) древоизмерение (Holzmesskunde), 2) оценка леса
(Waldwertrechnung) и лесоустройство (Forstbetriebsein-
richtung).

Управление лесами—заведывание (*Verwaltungs-
lehre*) совершенно обособлено от экономики и лесной
техники: этим достигается большая ясность, и воп-
росы лесоэкономического познания (*Forstökonomische
Erkenntnislehre*), и методологии (*Forstökonomische
Methodenlehre*) будучи включены в отдел экономики
(*Ökonomik*) и обособлены от „лесной политики“ и „лес-
ной полиции“, несомненно, приобретут более научный
характер.

Значительно лучше обстоит дело во Франции,
где лесохозяйственная экономия (*economie forestière*)
не только получила право гражданства в науке, но
и приобрела более устойчивый образ. Первым авто-
ром в этой области следует считать J. Glave, кото-
рый написал эту по лесной экономии („*Etude sur
l'économie forestière*“).

Другим автором является A. Puton (*Directeur de
l'école nationale forestière*), выпустивший в 1888—1891
г. г. свой обширный труд под названием: *Traité d'
économie forestière*“.

По аналогии с политической экономией A. Пю-
тон выделяет лесохозяйственную экономию (*Economie
forestière*.) как изучение производства, обращения и
потребления лесных ценностей.

А. Рутон делит свое сочинение на три части. Первая часть изучает лесное производство, рассматривая лес, как фабрику древесины; это есть, так обр., теоретическое обоснование лесохозяйственного производства. Вторая часть занимается приложением оснований лесной экономии к лесу реальному—это „лесоустройство“ (G^aménagement), и третья часть посвящена изучению обращения и распределения ценностей леса.

Лесная экономия, в понимании А. Рютона, рассматривает дерево, как работника, производящего древесину, насаждение, как рабочую ассоциацию, а лес, как предприятие, предназначенное для производства древесины.

Так обр., А. Рутон—первый в европейской литературе—указал роль лесной экономии (хотя бы и довольно своеобразно), как теоретической дисциплины, как науки.

Термин „*économie forestière*“ явился во французской лесной литературе на смену термину „*l'aménagement*“, соответствующему нашему пониманию лесосустройства (организации лесного хозяйства). Произошло это оттого, что в лесосустройство внедрилось учение о лесохозяйственном предприятии, об экономических особенностях лесного хозяйства; в итоге получилась особая часть, несовместимая с понятием лесосустройства,*) вследствие чего и родилась новая дисциплина—лесная экономия (*économie forestière*).

В 1904 году в Париже вышел первый том капитального труда профессора национальной лесной школы в Нанси—G. Huffel, под названием „*Économie forestière*“. Это сочинение представляет собою ряд этюдов по вопросам лесной экономии, под которой автор понимает группу лесных знаний, рассматривающих лес, с точки зрения полезности его для человека.

Проф. Гюффель рассматривает сначала пользу

*) Нечто подобное наблюдается и у нас, в русской лесной литературе, в которой из лесосустройства выделялась лесная экономия. Авт.

леса от доставляемых им продуктов, затем пользу обуславливаемую существованием леса (влияние на климат, водный режим и проч.), затем распределение лесов в стране (лесная статистика), законы образования продуктов леса и организацию пользования ими. Этюд второй содержит вопросы лесной собственности и лесного законодательства, а этюд третий—лесную политику.

Так. обр., лесная экономия, по Huffel'ю, не есть дисциплина, выкристаллизовавшаяся из общего раствора лесных знаний, а представляет собою „*сборный предмет*“, куда входит не только лесная экономия, но и лесная статистика и учение о государственном лесном хозяйстве (лесная политика).

Нечто подобное мы видели в лесной литературе Германии.

И тот-же характер носили работы прежних русских авторов, отождествлявших лесную экономию с лесной политикой.

V.

Выше мы видели, что попытки построения лесо-экономической дисциплины на почве изучения леса „ранее момента превращения его в рыночный товар“ привели лишь к накоплению сведений по отдельным вопросам, частично иллюстрирующим ту или иную экономическую стадию; экономических законов развития лесного хозяйства и его структуры—мы не имели.

Когда-то профессор социальной экономии*) в Париже—Шарль Жид—сказал, что „можно собрать тысячи фактов, а все-таки для науки наступит время только тогда, когда будет установлена между ними известная связь“.

Такой связи между явлениями лесохозяйственной жизни до сих пор установлено не было, если не считать отдельных, разрозненных наблюдений,

*) См. „Основы политической экономии“. 1919 г. стр. 24.

единого, целостного понимания экономической структуры лесного хозяйства не было.

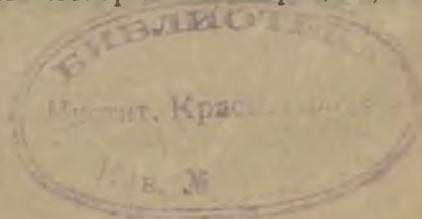
„Если разобрать часы,—говорил Генрих Котта в своем предисловии к „Основаниям лесоводства“,— и каждую пружину порознь показать кому-нибудь, то он, при самом ясном описании, не будет еще иметь настоящего понятия ни о сих отдельных предметах ни о часах вообще, а получит оное только тогда, когда наперед увидит все части в надлежащей между собой связи“ (перевод Языкова).

„Точно тоже бывает со всеми науками, составленными из многих частей, и в особенности с наукой лесоводства. Пока не найдут в ней точки, с которой можно было-бы осмотреть все в совокупности, до тех пор будет трудно видеть ясно и понимать надлежащим образом отдельные сего целого части“.

А так как научная природа лесоводственной дисциплины довольно сложна и делится, по словам профессора Морозова, на область лесоводственного естествознания и тесно связанной с ним техники и на область лесоводственного обществоведения или экономики, то отсюда понятно, почему в лесоводстве, сложившемся частью из естественных наук, частью из экономических начал—в основе должны лежать две, взаимно-дополняющие друг друга точки зрения: дарвинизм и марксизм.

В 1859 году появилось, как известно, „Происхождение видов“ Ч. Дарвина и „Zur Kritik der Politischen Oekonomie“ К. Маркса. Оба мыслителя исходили из фактического изучения настоящего и исторического развития прошлого.

Как известно, Маркс признает основным, исходным — материальным фактором, определяющим историческое развитие—факторы экономические (все остальное является идеологической надстройкой). Чарльз Дарвин также признает главным фактором развития органических форм—исторический процесс, наз-

ванный им „естественным отбором“ и заключающийся в приспособлении организмов к окружающим их условиям существования.

И разве „экономика“ и „экология“ не происходят от одного греческого корня („ойкос“)?..

Говоря об экологии растений, К. Тимирязев пишет следующее*): „...я уже несколько лет тому назад предложил назвать эту часть ботаники просто—экономикой растений“...

Таким образом, и у Маркса и у Дарвина мы встречаем некоторую аналогию—исходных факторов—аналогию, которая может привести нас к монизму.

„Единство всех наук,—говорит К. Пирсон в своей „Грамматике науки“ (стр. 26-ая),—заключается в одном лишь методе их, а не в материале, над которым они работают“...

Применение дарвинизма в лесоводстве, именно той его части, которая складывается из естествознания, уже имело место в науке. Выше мы приводили слова проф. Г. Ф. Морозова о том, что лесоводство есть социальное растениеводство и что „не быть дарвинистом—будучи лесоводом—не мыслимо“...

Теперь нам остается только дополнить лесоводственную науку, именно ту ее часть, которая складывается из экономических начал, приложением марксизма к объяснению лесоэкономических явлений.

„Теоретики классической школы английской политической экономии, дело которых Маркс продолжал, считали найденные ими законы окружающего их хозяйственного строя законами всеобщего хозяйства, как оно существует само по себе,—законами, которые всегда определяли хозяйственную жизнь человека, с тех пор, как он начал производить и обменивать, хотя на более ранних, простых ступенях развития их действие, конечно, не выступало

*) См. Сборник статей: „Дарвинизм и марксизм“. Госизд. Украины. 1928 г. Стр. 22. Ч. Дарвин и К. Маркс. (Тимирязев К.).

так ясно; напротив, по мнению Маркса, каждая эпоха хозяйственного развития имеет свои *собственные, особенные законы*. Как только данная эпоха пережита и начинается другая, вместе с тем на место старых экономических законов выступают новые, более или менее измененные. По мнению Маркса, экономические законы не что иное, как законы социальных отношений людей друг к другу, а т. к. общество не есть нечто неизменное и застывшее, но по мере процесса развития его форма постоянно вновь изменяется, то каждая такая новая форма имеет также свои новые особенные законы. Следовательно, все экономические законы должны рассматриваться, как *исторически обусловленные*. Поэтому задача экономического исследования заключается не в том, чтобы конструировать „вечные“ законы, применимые ко всем ступеням хозяйства, а в том, чтобы изучить каждую эпоху хозяйства в ее исторической обусловленности, в ее зависимости от особенных законов“ (см. Генрих Кунов. „К пониманию метода исследования Маркса“. „Neue Zeit“. 1909/10).

В своем курсе общей лесозаконономики „Теория лесного хозяйства“ (1922 г.) мы сделали такую попытку установления этапов развития лесохозяйственной деятельности:

— 1) ступень побочного пользования лесом, характеризующаяся тем, что древесина, как продукт леса, — меновой ценности не имеет;

— 2) ступень пользования вторичными продуктами древесины, когда приобретает меновую ценность не сама древесина, а продукты ее переработки и

— 3) ступень прямого пользования лесом, т. е. непосредственного извлечения древесины, как предмета, уже имеющего меновую ценность и потому приносящего известный доход лесному хозяйству (стр. 69—70).

По словам К. Маркса, „новые, высшие производственные отношения никогда не появляются на свет раньше, чем созреют материальные условия их существования“ (из предисловия „К критике политической экономии“).

Познать и объяснить, что в хозяйственной жизни есть и было и раскрыть генетическую связь между явлениями экономической жизни — вот что составляет, по Бюхеру, задачу научного исследования*).

При установлении известных ступеней развития следует помнить, что они „отнюдь не являются хронологическими эпохами (рассказывая о которых историк ничего не может выпустить). В главных фазах этих улавливается лишь общий характер эволюции, при чем оставляются без внимания переходные эпохи, „в которые все явления как-бы находятся в движении“. „Но в самих названиях ступеней нужно выразить сущность движения исторического процесса, выделяя особенность, которая отмечает каждую фазу в отдельности и указывая между ними взаимную генетическую связь. Это поможет и установлению закономерности явлений экономической истории“ (см. „Сборники Ассоциации для изучения общественных наук“ при высш. уч. зав. г. Казани. Том II. Вып. 1. Стр. 8).

Так обр., подходя к изучению лесного хозяйства, с точки зрения марксизма, мы должны приурочить наше исследование к той или иной эпохе; в данном случае, мы начинаем изучение с того момента, когда древесина получила значение меновой ценности, т. е. когда она превратилась в товар.

„Каждый товар можно рассматривать — (говорит К. Маркс**) — с двух точек зрения: как потребительную ценность и как меновую“.

„Быть потребительной ценностью***) — необходимое

*) См. „Родбертус и Бюхер“. Один из неисследованных вопросов развития историко-экономической мысли. Н. В. Первушин. Казань. 1922 г.

**) См. К. Маркс. „К критике политической экономии“. Издательство „Московский Рабочий“. 1923 г. Глава I. стр. 41-я.

условие для товара, но быть товаром—это назначение совершенно безразличное для потребительной ценности. Потребительная ценность в этом своем безразличии к экономическим формам своего существования, т. е. потребительная ценность, как таковая, находится вне круга исследования политической экономии“ (стр. 42).

Древесина, поскольку она удовлетворяет той или иной потребности (в топливе, постройках и проч.), обладает потребительной ценностью, она является благом. Но „учение о благах—говорит К. Маркс,—следует искать в руководствах по товароведению“.

С этой точки зрения, лес, стоящий на корню, до момента превращения его в товарную форму, является носителем потребительной ценности. И поскольку „хоть малейшая степень участия труда необходима для того, чтобы дикий лес обратить в лесную дачу“ (см. выше), постольку каждое насаждение, даже естественно выросшее, не говоря уже о искусственно-разведенном, принадлежит к числу хозяйственных благ.

Но „благо превращается в товар, потому что его производители находятся в определенном общественном отношении, в котором они должны выступать друг против друга в качестве независимых товаропроизводителей. Лишь в этой форме благо становится выражением общественного отношения, следовательно, приобретает общественную сторону, без этого благо представляет собою лишь естественную вещь, которая не заключает в себе никакой проблемы“. (См. Рудольф Гильфердинг. Постановка проблемы теоретической экономии у Маркса).

Только в товаре, а не в благе—скрыта та „общественная субстанция“, которая позволяет уяснить нам, что при видимо вещных отношениях товаров—речь идет об отношениях между людьми, возникающими на почве хозяйственной деятельности.

„Основной факт нашего хозяйственного строя,—

говорит Густав Экштейн *)—это обмен равных общественных стоимостей”.

... „Как материализация общественного труда, все товары представляют кристаллизацию одинаковой субстанции“ (К. Маркс. К критике пол. экономии). „Как эквиваленты, в которых качественное различие потребительных ценностей уничтожено, они представляют равные количества одинакового труда“ (там-же, стр. 43-я).

Лесные товары (бревна, балки, фанера, клепка и проч.), совершенно независимо от своих размеров, объема и формы и от специфической природы потребностей, по отношению к которым они являются потребительными ценностями,—в определенных количествах труда—равны друг другу, взаимно замещают друга друга при обмене и могут выступать, несмотря на свое кажущееся разнообразие, как эквиваленты. Так, например, один куб рудничной стойки может-быть равен 3 или 4 кубическим сажням дров, по своей меновой ценности или 5-6 рабочим дням. Отсюда 1 куб. стойки=3—4 куб. с. дров=5—6 раб. дн.

„Как меновые ценности,—учит К. Маркс,—все товары представляют только определенные количества застывшего рабочего времени“ (Ibidem. Стр. 44-я). „Как количественная сущность движения измеряется временем, точно так-же количественная сущность труда измеряется рабочим временем“. (К. Маркс).

„Чем в меньшем объеме своей потребительной ценности, по сравнению с другими потребительными ценностями товар содержит определенное количество рабочего времени, тем больше его *специфическая меновая ценность*“ (то-же).

Отсюда понятно, что ценность (меновая, а не потребительная) одной единицы объема лесных товаров, напр., одного кубического метра плотной древесины

*) См. „О методе политической экономии“. Сборник статей. Основные проблемы полит. экономии Госиздат. 1922 г. Стр. 94-я.

(Festmeter)—не может быть одинаковой и изменяется, в зависимости от количества рабочего времени, потребного для изготовления того или иного товара (лесных материалов). Мы знаем, что рыночная ценность 1 куб. метра фанеры и 1 куб. метра круглого леса (бревна) значительно разнится, ибо количество рабочего времени различно. *Специфическая меновая ценность лесных товаров тем выше, чем в меньшем объеме своей потребительной ценности товар содержит определенное количество рабочего времени.*

Так, напр., на снятие 1 куб. саж. дубового корья и складывание в кучи для просушки требуется рабочих дней . . . 38.

На заготовку же 1 куб. саж. липового хвороста требуется рабочих дней . . . 20.

Ясно, что меновые ценности дубового корья и липового хвороста—одной и той же единицы измерения (1 куб. саж.)—будут разные.

Далее, для вырубki, очистки от сучьев и коры, укладки в штабеля—требуется рабочих на каждые 100 штук*):

а) накатника, длиною от 2 до 3 саж. . . . 13.

б) жердей " " " " " " 5.

Стало быть, одна штука накатника требует 0,13 раб. дня, а одна штука жердей—0,05 раб. дня. Неодинаковое количество рабочего времени обуславливает и неодинаковую меновую ценность.

„... В меновой ценности рабочее время отдельного индивидуума выступает непосредственно, как всеобщее рабочее время... „которое требуется обществом для производства некоторой определенной потребительной ценности“ (Там-же, 46).

Отсюда „стоимость создается уже не всяким трудом, овеществляющимся в товаре, но лишь общественно-необходимым трудом. Следовательно, объективным мерилom социальной стоимости является

*) См. „Справочник по лесной промышленности и лесному хозяйству“ Петроград 1923 г.

общественно-необходимое для производства данного товара рабочее время“ (Густав Экштейн. „О методе политической экономии“).

В этом и заключается сущность т. н. „закона меновой стоимости.“

„Если-бы, следовательно, количество труда—говорит Маркс—необходимое для производства товаров, оставалось постоянным, то их меновая ценность была-бы неизменна“. И далее:... „Количество рабочего времени, заключенного в известном товаре, его меновая ценность изменяется: возрастает или падает в обратном отношении к возрастанию или падению производительности труда“ („К критике пол. экономии“. 4-е изд. стр. 51-я).

Из сказанного вытекает следующее:

1) в каждом лесном товаре заключается не только труд крестьянина—рабочего, срубившего дерево и вывезшего из-леса бревно известных размеров, но и труд рабочего на лесопильном заводе, а также и труд администрации лесничества (лесничего и лесной стражи), охранявшей лес от порубки, пожара и проч.;

2) в связи с уменьшением рабочего времени, с введением механизации при производстве лесных товаров, уменьшается и меновая ценность последних;

3) включая в меновую стоимость лесных товаров труд рабочих при транспорте (гужевая вывозка, жел.-дор.), мы должны констатировать уменьшение ценности лесных товаров в связи с уменьшением расстояния до мест сбыта; наоборот, с увеличением расстояния—увеличивается количество общественно-необходимого рабочего времени и растет меновая ценность товара (прямо-пропорциональная зависимость).

VI.

...Фактическое отношение товаров друг к другу составляет, по Марксу, их меновой процесс.

Последний, в условиях лесного хозяйства, выражается в двойкой форме, намеченной Марксом:

1) $T-D-T$, или: 2) $D-T-(D+d)$.

Первая форма имеет место при продаже леса крестьянину, когда последний привозит в лесничество рожь (T), обменивает ее на деньги (D) и на них покупает лес, необходимый ему для топлива или строительных целей.

В этом случае, происходит, так называемое, простое товарное обращение, имеющее целью удовлетворение потребностей в древесине у местного населения. Здесь один товар (рожь) превращается в другой товар (древесину); это, по нашему мнению, обмен потребительных ценностей, через посредство денег (D), как мерила ценности.

Совершенно иную форму имеет меновой процесс, дающий иной круговорот: деньги—товар—деньги ($D+d$). Здесь целью менового процесса является не потребление древесины для топливных или строительных нужд, а получение новой суммы денег ($D+d$).

Это—„ d “—излишек, который присоединяется к первоначальной сумме (D) в конце товарообращения, Маркс называет *прибавочной ценностью**).

Чтобы понять, что служит источником прибавочной ценности, обратимся к сущности лесопромышленного обмена.

Лесопромышленник (кто-бы он ни был) приобретает сырораствующую древесину, на корню, платит за нее, так наз., попенную стоимость (D)—с тем, чтобы превратить эту древесину в товар (доски, брусья, клепку и проч.). Побудительным стимулом при этом служит получение „прибавочной ценности“.

Купив сырораствующую древесину, лесопромышленник нанимает рабочую силу, чтобы произвести валку деревьев и вывозку бревен к месту сбыта. Заготовка

*) См. Карл Каутский. „Экономическое учение Карла Маркса“. Полный перевод с 8 немецкого издания И. С. Биска. Издание третье. Киев 1922 г.

плюс вывозка составляет „эксплуатационные расходы“, которые мы обозначим через „v“.

Итак, лесопромышленник затратил некоторую сумму, уплатив за лес таксу (t), с добавлением к ней эксплуатационных расходов (v); всего, таким образом, затрачено: (t+v). На эту сумму лесопромышленник начисляет известный процент (p/100), который и составляет доходность операций.

Обозначим это начисление через „r“; тогда получим:

$$r = \frac{(t+v) \cdot p}{100} \quad (1).$$

Продавая на рынке лесной товар, лесопромышленник старается выручить не только затраченные деньги на покупку леса (Д), выразившиеся в уплате таксы (t), и заработной платы рабочим-крестьянам, заготовлявшим и вывозившим лес (v), но и получить известную добавочную сумму (r), начисленную на попенную стоимость и заработную плату (v).

Таким образом, рыночная стоимость древесины в обработанном виде (Marktpreiss) складывается из следующих величин:

$$M = t + v + r \quad (2).$$

Подставляя, вместо r, найденное выше значение, получим:

$$M = t + v + \frac{(t+v) \cdot p}{100} \quad (3).$$

Раскрывая скобки и освобождаясь от знаменателя, получим:

$$100M = 100t + 100v + tp + vp = t(100+p) + v(100+p) \quad (4)$$

Разделив обе части равенства на (100+p), получим:

$$\frac{100M}{100+p} = t + v \dots \text{ или } \dots \frac{M}{1,0p} = t + v \quad (5).$$

Из этой основной формулы мы можем получить величину таксовой стоимости древесины:

*) К. Маркс говорит следующее: „Если мы издержки производства назовем „K“, то формула: $T = C + v + m$ превращается в формулу: $T = K + m$, или товарная стоимость, = издержкам производства + прибавочная стоимость. („Капитал“ Т. III, ч. 1. Книга третья. Процесс капиталистического производства, взятый в целом. Госуд. Изд. 1923 г.).

$$t = \frac{M}{1,0p} - v^* \quad (6).$$

...Эта формула имеется во всех курсах лесной таксации и применяется при корневой оценке леса.

Рыночная цена (M) равняется, исходя из формулы (5):

$$M = (t + v) \cdot 1,0p = (t + v) \cdot (1,0 + 0,0p) \quad (7).$$

Производя перемножение правой части равенства, будем иметь такое значение для рыночной цены (Marktpreiss):

$$M = (t + v) + (t \cdot 0,0p + v \cdot 0,0p) \quad (8).$$

В этой последней формуле ясно выступает тенденция капиталистического производства: к первоначально затраченной сумме денег (Д) присоединить прибавочную ценность (d).

Написанную выше формулу (8) мы можем изобразить несколько иначе:

$$M = (t + t \cdot 0,0p) + (v + v \cdot 0,0p) \quad (9).$$

Здесь каждая денежная сумма (такса и эксплуатационные расходы) имеет приращение, величина которого определяется размером процента (p).

В процессе превращения сырораствующей древесины в лесной товар (балки, шпалы и т. п.) происходит следующее явление: лесопромышленник покупает рабочую силу, уплачивая за нее меновую ценность. Меновая ценность рабочей силы, как и всякого товара, должна определяться количеством труда, необходимого для ее создания**).

Иначе говоря, ценность силы лесного рабочего определяется ценностью тех жизненных средств, которые необходимы для поддержания семьи рабочего и покрытия траты рабочего организма во время работы.

*) См. „К учению о ценности леса“. 1919 г.

***) См. „Основания политической экономии“. СПб. 1898 г. Составил А. Скворцов, профессор Новоалександрійского Института Сельского Хозяйства и Лесоводства. Это единственный курс, написанный в согласии с учением К. Маркса (в конце минувшего столетия).

Так. обр., меновая ценность рабочей силы вполне определяется физиологическими условиями рабочего организма и общественным положением класса, но вовсе не имеет отношения к количеству производимой ценности товара.

Лесопромышленник уплачивает рабочему меновую ценность его рабочей силы, которая определяется количеством и стоимостью необходимых для лесного рабочего потребительных ценностей. Образование прибавочной ценности в процессе создания лесных товаров происходит в силу того, что меновая ценность приобретаемой лесопромышленником рабочей силы значительно ниже создаваемой ею ценности товара.

Стало-быть, покупаемый капиталистом товар обладает способностью, будучи потребленным, т. е. обратившись в потребительную ценность, создавать меновую ценность и притом большую, чем меновая ценность самого товара,—рабочей силы.

Из сказанного видно, что в вопросе о происхождении прибавочной ценности—надо различать время, расходуемое рабочим на воспроизведение ценности заработной платы, и время, употребленное на создание прибавочной ценности. Первое время называют необходимым, а второе—прибавочным временем.

Если мы перенесем мысленно на лесопильный завод, то здесь затраты лесопромышленника будут распадаться на две категории: 1) одна часть денег расходуется на приобретение машин и оборудование—это „постоянный капитал“ по Марксу; 2) другая—расходуется на наем рабочей силы,—это „переменный капитал“.

Постоянный капитал лесопромышленного предприятия частично переносится, по мере его изнашивания и расходования, на продукт труда (товар); переменный же капитал реализуется в виде ценностно-образовательной стоимости, возмещается в

течение необходимого рабочего времени и приносит прибавочную ценность в течение прибавочных часов.

В различных отраслях лесного производства (лесоводстве и лесной промышленности) соотношения между постоянной и переменной частью капитала или т. н. „органическое строение капитала“ — неодинаково.

„Строение капитала по его ценности, насколько оно определяется его техническим строением и отражает его, мы называем органическим строением капитала. Поэтому такие капиталы, которые содержат относительно больше постоянного капитала, следовательно, меньше переменного, сравнительно со средним общественным капиталом, мы называем капиталом высшего строения. Напротив того, такие капиталы, в которых постоянная часть составляет относительно величину меньшую, а переменная часть большую, сравнительно со средним общественным капиталом, мы называем капиталами низшего строения. Наконец, капиталами среднего строения мы называем такие, строение которых совпадает со строением среднего общественного капитала“ (см. Карл Маркс. „Капитал“. Том III. Стр. 119—120 русск. пер.).

В лесоводстве мы наблюдаем чрезвычайно слабое участие труда (переменного капитала); в лесной промышленности переменный капитал выражен более значительно: кадр лесных рабочих на заводе и в лесничестве, относя численность их на единицу продукта (куб. метр. древесины), существенно различен.

Так, напр., в лесной даче, имеющей 1.500 дес. и обслуживаемой пятью лицами (Прилукская лесная дача Минского уезда), переменного капитала приходится в год на 1 дес., считая 300 раб. дней:
 $(300 \times 5) : 1.500 = 1.500 : 1.500 = 1$ р. дн.

Если принять среднюю производительность 1 дес. леса в 100 куб. футов ежегодно, то на один куб. фут сырастающей древесины расходуется 0,01 раб. дня.

На лесопильных заводах Белоруссии*) в 1920—21 году мы имеем средний выход 15 куб. фут. на человека в день: в 1921—1922 г.—31 куб. ф.

Следовательно на 1 куб. фут. древесины в лесопильном производстве падает от $\frac{1}{15}$ до $\frac{1}{31}$ раб. дня.

Так как прибавочная ценность (Mehrerwert) есть простое следствие изменения той части капитала, которая переведена в рабочую силу (переменный капитал), то большее участие последнего создает и большую доходность предприятию, независимо от того, будет-ли это лесничество, в котором выращивается сырораствующая древесина или лесопильный завод, где изготавливаются фабрикаты древесины...

К. Маркс дает таблицу, которая должна иллюстрировать, каковы будут уровни прибыли капиталов различного строения, при одной и той же норме прибавочной ценности (допустим, в 100%). Возьмем, говорит К. Маркс, пять различных отраслей производства, причем в каждой из них сложение затраченного капитала будет разное.

Предпри- ятия.	Капитал:			Прибавоч- ная деп- ность.	Ценность продукта.	Уровень прибыли.
	Постоян- ный.	Перемен- ный.	СУММА.			
1.	80	20	100	20	120	20%
2.	70	30	100	30	130	30 „
3.	60	40	100	40	140	40 „
4.	85	15	100	15	115	15 „
5.	95	5	100	5	105	5 „

Из этой таблицы мы видим, что хозяйство дает наибольший уровень прибыли (40%) при максимальной величине переменного капитала и наименьший

*) См. журн. „Нар. Хоз. Бел.“ 1923 г. № 2.

VII.

Анализ формулы рыночной стоимости показывает, что оплата лесоводства включена в меновую ценность, как один из составных элементов. На долю лесоводства остается та часть, которая получается при вычете из рыночной цены, деленной на 1,0 р. без эксплуатационных расходов (переменного капитала) т. е.:

$$t = \frac{M}{1,0p} - v. \quad (6).$$

Чем больше будет затрачено общественно необходимого рабочего времени, при всех прочих равных условиях, на вывозку лесоматериалов и дров, тем меньше будет такса, а стало-быть, в конечном итоге, доход лесничества.

Для иллюстрации возьмем такой пример. Предположим, что мы эксплуатируем ежегодный средний прирост 1 дес. нормального (с единицей полноты) соснового леса в возрасте 100 лет. Этот прирост (ежегодный урожай) по таблицам Шваппаха для Сев. Германии составит 228 куб. фут. плотной древесной массы*) (III-ий бонитет). Средняя высота такого насаждения 31 арш., средний диаметр 6,0 вершк.

По сортиментным таблицам для Минской губ. (первого разряда-сосна) мы получим из такой древесины—83% среднего строевого леса и 17% дров:

Средней строевой древесины	. . .	189,24 куб. фут.
Дровяной	„ . . .	38,76 „

Итого . 228,00 куб. фут.

... Теперь, предположим, что мы имеем по одной десятине такого леса, приносящего нам по 228 куб. ф. ежегодно, на разном расстоянии от путей сообщения и городов:

*) 1 куб. метр=35,3168 куб. футов.

Расстояния:

Лесные дачи:
(по Белоруссия)

- а) Не свыше 7 верст от жел. дор., городов и фабричных центров I разряда
- б) От жел. дор. и городов свыше 7-ми и до 15 версти от больших рек до 10 верст. II „
- в) свыше 10 верст и до 15 верст от сплавных рек и свыше 15 и до 20 вер. от ж. д. III „
- г) от жел. дор. свыше 20 верст и от сплавных рек свыше 15 верст IV „

...Корневая цена в этих четырех поясных расстояниях, в которых расположены наши лесные дачи, отнесенные к разным разрядам, неодинакова, а именно—в дачах:

	I разр.	II разр.	III разр.	IV разр.
1 куб. ф. средн. стр. древесины	8,7 коп.	6,4 коп.	5,3 коп.	4,4 коп.
1 куб. ф. дровяной древесины	2,8 „	1,7 „	1,0 „	0,5 „

Умножая указанную таксу на количество кубических футов, мы получим такую доходность 1 дес. леса (нормального) *)—0,91 гект. в дачах:

Наименование дач:	Разряды дач:	Доходность.		Увеличение в абсолютн. цифрах:
		Руб.	Коп.	
A	I-ый	17	54	9 руб. 03 коп.
B	II-ой	12	75	4 „ 24 „
C	III-ий	10	11	1 „ 60 „
D	IV-ый	8	51	—

Последняя графа показывает, что, по сравнению с 1 дес. нормального леса, находящегося в даче четвертого разряда (D), одна десятая сосновых насаждений, расположенных ближе к сплавным рекам, жел. дор., городам и фабрикам, дает тем больший доход, чем меньше расстояние (обратно-пропорциональная зависимость).

*) При уменьшении полноты насаждений—все цифры соответственно уменьшатся. Автор.

Если мы будем исходить из определения, по которому „такса есть себестоимость древесины“ (см. нашу работу: „К учению о ценности леса“. Кострома. 1919 г.), то в рамки дохода, полученного от 1 дес. леса в даче „D“ (IV-го разряда), должны будут уложиться все расходы по содержанию администрации, очистке, культурам и проч. Некоторый излишек дохода, по сравнению с дачей „D“, получится в дачах: А, В и С...

Поэтому, если доход, получаемый в даче „D“, идет целиком на нужды лесоохраны, то вести технически-рациональное хозяйство в этой даче (производить культуры, мелиорации и проч.) нельзя, или же возможно только за счет других дач.

Наоборот, в даче „А“, за покрытием расходов на администрацию (8 р. 51 к.) остается еще излишек в 9 р. 03 коп., который может-быть употреблен на лесокультурные и иные нужды (напр., дробное лесоустройство и пр.).

Отсюда ясно, что вести уход за насаждениями, производить посев и посадку леса, вводить коренные улучшения и дробное лесоустройство—возможно лишь в ближних дачах, если цена на лес не позволяет производить этих расходов в дальних дачах.

... „Лесные продукты, по об'ему и тяжести, значительно превышают с.-х. произведения одной и той же ценности с ними,—говорит Рошер,*)—вследствие чего, подвозка таких громоздких материалов к рынкам весьма затруднительна. Конечно, и здесь есть некоторые исключения; так, напр., древесные породы, развивающие во время горения очень большую степень жара, доставляются с выгодой к отдаленным рынкам, а еще с большей выгодой сбываются строевые и ценные поделочные материалы. Поэтому при производстве подобных материалов есть возможность делать некоторые большие затраты и вести хозяй-

*) См. журн. „Сельское хозяйство и лесоводство“. Март, 1885 г. „Экономические основания лесоводства“.

ство интенсивнее. Лесные материалы, переработанные в т. н. технические продукты, приближают в экономическом смысле леса к местам сбыта“...

С приближением лесов к местам сбыта открываются и большие перспективы в области рационального лесоводства.

Следовательно, можно сказать словами К. Маркса, что сама задача рационального лесоводства *„только тогда выдвигается, когда существуют уже материальные условия, необходимые для ее разрешения, или когда они, по крайней мере, находятся в процессе возникновения“* („К критике политической экономии“).

Основным, определяющим моментом в развитии лесоводства является его экономика. И прав В. Рошер, когда он говорит, что „интенсивное хозяйство может вестись с выгодой только в таких местах, где цена на произведения почвы высока“ („С. х. и лесов.“ 1865 г. 212-я стр.). И дальше: „...наибольший чистый доход выручается только тогда, когда цены на лесные материалы высоки“ (стр. 215-я. „Экономические основания лесоводства“).

„Другая причина меньшей интенсивности лесного хозяйства заключается в том обстоятельстве, что чистый доход, получаемый из лесов, составляет громадную долю валового дохода. По исчислениям Гундесгагена в лесном хозяйстве затрачивается на производство средним числом 32⁰/о; следовательно, на долю чистого дохода остается 68⁰/о“ (В. Рошер).

Разумеется, эти цифры устарели, и в последнем десятилетии в Западной Европе на лесное хозяйство затрачивалось от 50 до 70⁰/о валового дохода...*). В России процент этот был значительно ниже (30—50), чем, до известной степени, и была обусловлена степень интенсификации лесного хозяйства.

*) Пронизывая над интенсивностью лесного хозяйства и малыми расходами, Рошер говорит: „на островах Тихого океана, жители которых питаются плодами хлебного дерева чистый доход, доставляемый этими растениями, вероятно, определяется в 90⁰ в слишком“.

По мере роста потребностей в древесине, приходится разрабатывать более удаленные площади лесов или худшие бонитеты.

В связи с этим количество общественно-необходимого рабочего времени возрастает, а, стало-быть, увеличивается и ценность лесных материалов.

Стремление лесопромышленника получить возможно больший процент на затраченный капитал и перенесение этого стремления на лесное хозяйство вызывает к жизни финансовую теорию, которая получает быстрое развитие на Западе.

Учение финансовой школы лесоводов выразилось наиболее полно в учении о *лесной статике*.

Лесная статика, по мысли ее основателей и защитников, должна носить экономический характер учения о хозяйственном равновесии, о предварительном хозяйственном взвешивании результатов и издержек производства.

Еще в XVIII веке Бюфон в своих „Memoire sur la culture des forêts“ указывал на то, что при выборе тех или иных хозяйственных мероприятий в лесоводстве—необходимо принимать во внимание „издержки производства“.

Научное основание, поскольку можно и должно говорить о научных основах прошлых столетий, а также и самое название „лесной статик“—было дано, однако, значительно позднее, в 19 веке—Гундесгагеном.

Последний определял лесную статистику, как „искусство соизмерять силы, действующие в лесном хозяйстве, с результатами хозяйства“ (под выражением „силы, действующие в лесном хозяйстве“, понимались: труд и капитал).

Параллельно с Гундесгагеном над вопросами лесной статик работал Пфейль.

В своей книге: „Grundsätzen der Forstwirtschaft in bezug auf die Nationalökonomie“, вышедшей в 1882 году, он трактует о задачах лесной статик. Считая

лесной запас капиталом, Пфейль обосновал необходимость его процентного роста.

Дальнейшее свое развитие лесная статика получила в трудах К. Гейера, Кенига, Фаустмана и др.

Особенно сильное движение в Германии было вызвано появлением следующих работ по лесной статике: 1) „Der rationale Waldwirt“ — Пресслера в 1865 г. и 2) „Handbuch der forstlichen Statik“ — Г. Гейера в 1871 г. (русский перевод издан в 1878 г.).

Этими трудами был провозглашен принцип „лесного хозяйства чистой доходности“ (Reintragswirtschaft).

То одностороннее, математическое направление, которое лесная статика приняла у Густава Гейера, было причиной неуспеха этой по существу — лесоэкономической дисциплины.

Более поздние работы принадлежат Мартину (Martin): „Die Folgerung der Bodenreinertragstheorie“, Leipzig. 1899 г. и „Die Forstliche Statik“. Berlin 1905 г.).

Характерной чертой финансовой школы является ее взгляд на лесной запас, как на капитал, подлежащий, наравне с капиталами в других областях производства, процентному росту.

Отсюда рождается учение о т. н. финансовой спелости насаждений и финансовом обороте рубки. Защитником последних выступает Ф. Юдейх, один из самых выдающихся лесоводов Западной Европы, книга которого: „Die Forsteinrichtung“ (лесоустройство) выдерживает целых семь *) изданий (последнее издание выпущено в 1922 г. Неймейстером).

В связи с этим в лесоводственной науке возникла борьба между, так наз., консервативной школой или теорией лесной ренты и финансовой школой или теорией почвенной ренты.

Эта борьба, по существу, представляет собою столкновение двух принципов: общественно-хозяйст-

*) Sibente Auflage. Berlin. Verlagsbuchhandlung Paul Parey. 1922 г.

венного (лесная рента) и частно-хозяйственного (почвенная рента).

В своем курсе „Теория лесного хозяйства“, вышедшем в 1922 г., мы подробно останавливались на лесной и почвенной ренте. По отношению к последней было отмечено, что „чем выше норма роста, тем почвенная рента кульминирует раньше“.

Отсюда — стремление капиталиста-помещика рубить леса, как можно раньше.

Ярым противником введения финансовой спелости был проф. Рудзкий, несмотря на то, что он принадлежал к школе А. Смита.

Принимая требования финансовой школы, „мы должны были-бы свести как можно скорее все леса старше 30-ти, а много-много 50 лет (говорил проф. Рудакий), т. е. выращивать только дрова да жерди, бревна же и доски получать из Америки“. *)

Другим противником введения в русских лесах финансового оборота рубки был Ф. К. Арнольд, автор книги по лесной статистике: „Оценка действующих в лесах капиталов и достигаемых ими результатов“ (СПБ. 1884 г.). Он говорит, что „нельзя и помышлять о введении у нас финансового оборота рубки“, и что нам надо „стремиться не к извлечению возможно большей земельной ренты, а к извлечению возможно большего дохода, совокупно из земли и древесного капитала“...

Так обр., русские лесоводы оказались сторонниками народно-хозяйственной точки зрения, в отличие от лесоводов Германии, ставших приверженцами частно-хозяйственной точки зрения.

Карл Маркс говорил, что самый принцип капиталистического хозяйства, его стремление получить *в ближайшем будущем* денежный барыш противоречит рациональному хозяйству, доказательством чего, по его мнению, служат леса, хозяйство в которых только

*) См. „Руководство к устройству русских лесов“. Составил Александр Рудзкий, профессор Лесного Института. 1906 г.

тогда ведется соответственно общественным интересам, когда управление ими находится в руках государства.

Эти слова Маркса, как мы видели, вполне подтверждаются лесоэкономикой...

VIII.

...Каждое явление лесохозяйственной жизни, в качестве объекта изучения, несомненно, должно обладать известными признаками. И первым из этих признаков, общим для всех явлений,—есть социальность. Ни производство, ни обмен, ни распределение лесных продуктов—вне общественной жизни не мыслятся.

Всякое из этих явлений—*социально*, органически связано с жизнью человеческого общества и представляет собою—общественное отношение, возникающее между людьми на почве их совместной хозяйственной деятельности, направленной на постоянное удовлетворение своих потребностей в древесине.

Признак социальности—есть общий признак всех лесоэкономических явлений.

Помимо этого признака, существуют еще другие признаки, которые мы назовем здесь групповыми, ибо они объединяют известную *группу лесоэкономических явлений*. В основе этого подразделения лесоэкономических явлений на группы—лежит тот или иной *момент хозяйственной деятельности*: 1) производство, 2) обмен, 3) распределение.

„Поскольку отдельные единичные хозяйства,—говорит проф. Солнцев,*—вступают в общественно-хозяйственную связь и общественно-хозяйственные, социально-обуславливаемые отношения, на почве или актов производственного характера, или распределительного, или же на почве актов обращения (меновые отношения), постольку экономические отношения могут принимать вид или социально производственных, или социально-меновых или, наконец, социально-распределительных“...

*) Проф. С. И. Солишев. Введение в политическую экономию. Петроград 1923 г. Стр. 80-я.

Карл Маркс*) в своем „Введении к критике политической экономии“ дает следующее пояснение: „в процессе производства члены общества приспособляют продукты природы к человеческим потребностям (производят, придают форму); распределение указывает пропорцию, в которой каждый принимает участие в произведенном; обмен доставляет ему те определенные продукты, на которые он хочет обменять доставшуюся ему при распределении долю; наконец, в потреблении продукты становятся объектами пользования (des Genusses), индивидуального присвоения“. И далее:

„...Производство, распределение, обмен, потребление,—образуют, таким образом, настоящее логическое единство: производство составляет в нем общее распределение и обмен частное, а потребление—единичное, замыкающее собою целое“.

По Марксу, определенная форма производства обуславливает определенные формы потребления, распределения, обмена и *определенные отношения этих различных моментов друг к другу*.

„Конечно, и производство в его *односторонней* форме, с своей стороны, определяется другими моментами,—говорил К. Маркс,—напр., когда расширяется рынок, т. е. сфера обмена, возрастает размер производства и углубляется его дифференциация“.

„С изменением распределения изменяется производство, напр., с концентрацией капитала, с различным распределением населения между городом и деревней и т. д. Наконец, запросы потребления определяют производство. Между различными моментами происходит взаимодействие. Это бывает во всяком органическом целом“ (см. „Введение к критике политической экономии“. Стр. 24-я).

Тем не менее, несмотря на взаимодействие различных моментов хозяйственной деятельности, *произ-*

*) Карл Маркс. Введение к критике политической экономии. Перевод К. Каутского. Стр. 14-ая.

водство является исходной точкой, „потребление—конечной, распределение и обмен—серединой“ (К. Маркс).

Констатируя, таким образом, примат производственного момента, его первенство перед другими, мы должны отметить здесь то значение, которое имеет лесоводство, как выращивание сырораствующей древесины, и лесотехнология, как обработка этой древесины и изготовление фабрикатов или полуфабрикатов.

В производственном процессе выявляется то основное, общественное отношение, которое характеризует всю лесохозяйственную деятельность в целом и является той клеточкой, из которой построена ткань капиталистического организма.

Без познания этого общественного отношения, без изучения клеточки—нельзя постичь тканей.

Наем рабочих для производства посева или посадки леса, а еще чаще и значительно—для рубки и вывозки леса, а также распиловки или сухой перегонки—и составляет то основное общественное отношение, тот простейший элемент, который определяет собою всю структуру лесного хозяйства (производство, обмен и распределение).

Этот элемент в лесном хозяйстве, как мы видели выше, при анализе формулы: $m = t + v + r$,*) является имманентной причиной тех общественных отношений, которые возникают в дальнейшем, и которые определяют в известный период степень интенсификации лесоводства.

Вся гамма лесоводственно-экономических отношений покоится и создается из вопросов прибавочной ценности. Возможность получения определенной

*) „Стоймость всякого капиталистически произведенного товара T изображается в формуле: $T = C + v + m$. Если из этой стоймости продукта вычесть прибавочную стоймость m , то останется простой эквивалент или стоймость, возмещающая в товаре капитальную стоймость „ $C + v$ “, нарасходованную в виде элементов производства“... (См. Карл Маркс. „Капитал“. Краткая политическая экономия. Том третий, часть первая).
Автор.

прибыли обуславливает разработку леса, доходность лесничества и ведение лесоводства.

Те лесосеки, на которых рыночная цена не находит своего оправдания, стоят неразработанными, и лесоводство не получает возможности развиваться нормально.

Получение прибавочной ценности только из эксплуатации крупного, товарного леса в определенном лесохозяйственном районе,—создает здесь особый выборочный способ пользования древесиной и выборочное лесное хозяйство.

Извлечение хотя бы и небольшой прибавочной ценности из разработки всей древесины на лесосеке (крупной и мелкой)—рождает сплошную систему рубок и ведение лесосечного хозяйства.

Наконец, высокая ценность лесных материалов и возможность значительной доли прибыли—позволяет вести постепенную рубку в лесах и осуществлять те или иные меры ухода за насаждениями.

Так. обр., анатомия лесоводства заключается в его экономике, в тех социально-производственных отношениях, которые устанавливаются на почве хозяйственной деятельности.

Отсюда — и специальный подход к изучению экономики лесоводства,*) который вам придется применить при ваших занятиях; отсюда и тот метод, которым придется пользоваться при изучении экономики лесоводства.

Я говорю о методе Маркса, который назвая профессором Солнцевым „объективно-социальным методом, так как в этом названии, с одной стороны, даны указания на наиболее основные моменты содержания методологического учения марксизма („объективность“ и „социальный“ момент); с другой стороны, это название более всего отвечает той противопо-

*) Данное пособие является вводным для семинарских занятий студентов; оно имеет целью помочь учащимся подойти самостоятельно к изучению лесной экономики.

ложной позиции, которую занимает этот метод по отношению к „суб’ективно-психологическому“ методу австрийской школы, с его индивидуализмом и суб’ективизмом (см. „Введение в политическую экономию“. 1923 г. Стр. 150-я).

Характерной особенностью об’ективно-социального метода, которым следует пользоваться в лесной экономике, является—диалектический подход к изучению явлений действительности.

Этот диалектический способ трактования сводится к следующим трем идеям: 1) идее движения и развития, 2) идее изменяемости (историчность социальных явлений) и 3) идее противоречий или антагонизма.

Еще в курсе: „*Теория лесного хозяйства*“—мы говорили, что: „лесное хозяйство не одинаково не только в пространстве (напр., в Германии, Франции, Америке или России), но и во времени. Это происходит потому, что лесное хозяйство не складывается раз-навсегда в определенные, застывшие формы: оно находится в процессе постоянного изменения, и всякий исторический строй лесохозяйства, в том числе и современный, есть лишь переходная ступень в дальнейшем развитии и усовершенствовании лесного дела“ (1922 г. Стр. 64-я).

Даже самое элементарное знакомство с лесохозяйственными явлениями—показывает, что они изменяются, что лесоводство развивается, что от одних способов и приемов оно последовательно переходит к другим. То-же наблюдаем мы и в разработке леса.

Стало-быть, применение идеи движения и развития и идеи изменяемости при изучении экономических оснований лесоводства—может дать наибольшие результаты для теории лесного хозяйства; и не только теории, но и истории лесохозяйства.

Далее, всякое лесоэкономическое явление содержит в себе антагонистические элементы. Так, выборочный способ пользования содержит в себе те про-

тиворечия, которые приводят к замене выборочной системы рубок—системой сплошных рубок. Эти последние, в свою очередь, не обеспечивая возобновления, создавая часто нежелательную смену пород на лесосеках, не говоря уже о потере времени, заключают, в самом начале своего возникновения, те зачатки, которые, приобретая все более острую форму, вынуждают переходить лесного хозяина от системы сплошных рубок к системе постепенных рубок.

То-же самое находим мы и в лесоустройстве. Определение размера главного пользования по площади встречает противоречие в запасе лесонасаждений; равновеликие площади не являются синонимом равнопроизводительности лесных массивов. Хозяйство по насаждениям приводит к тому, что многие деревья вырубаются не в том возрасте и не в том состоянии спелости, когда они должны были бы поступать в рубку.

Этот антагонизм заставляет переходить *от хозяйства по насаждениям* (Bestandswirtschaft) к *хозяйству по деревьям* (Baum wirtschaft).

Стремление к нормальному лесу заключает в себе противоречие в тех жертвах, которые приходится нести лесному хозяйству в угоду идее нормальности. Это обстоятельство рождает идею о непрерывно-производительном лесе (Dauerwald) и заставляет проф. Мёллера совершенно отказаться от старого шаблонного лесоустройства*) и полагать, что даже понятие оборота рубки излишне, а с точки зрения непрерывно-производительного леса—вредно и бессмысленно.

„Достаточно вспомнить,—говорит Мёллер—, результат обмера одновозрастного насаждения для того, чтобы убедиться, что толщина деревьев обуславливается не только возрастом. То-же самое надо ска-

*) См. ст. проф. М. Орлова: „Новые приемы в лесоустройстве“. Вплетень „Лесное хозяйство и охота“. № 2. Январь 1923 г. Петроград Стр. 25—27.

зять и о хозяйственной спелости. Разве можно оправдать рубку сосны, будь то 80, 100 или 120 лет, если она здорова, прямоствольна и дает ежегодный вполне удовлетворительный процент прироста по ценности“ („Zeitschrift für Forst und Jagd-wesen“. 1922 г. Н. 1).

„В любом явлении (по словам проф. Солнцева*) в каждый данный момент действуют силы, находящиеся во взаимном антагонизме, причем наиболее жизненный и наиболее сильный элемент приспособляет к своим интересам окружающую среду или сам к ней приспособляется, подчиняя себе наиболее слабый, по отношению к себе антагонистический элемент и придавая явлению соответствующую форму“ (стр 158-я). И далее: „в новом явлении взявший перевес и силу элемент опять-таки скрывает в себе новое противоречие, новое антагонистическое начало, которое, развиваясь, на определенной стадии развития, вытесняет своего антагониста; тогда наступает новая фаза развития: наступает отрицание отрицания и т. д. Получается, так. обр., три фазы развития явлений: утверждение (тезис), отрицание утверждения (антитезис), отрицание отрицания (синтезис) или новое утверждение“.

IX.

„....Изучая**) лесное хозяйство в его изменениях во времени, мы должны связывать эти изменения с определенной территорией, т. е. известным пространством, на котором произошла та или иная *смена лесохозяйственных явлений*“ (журн. „Нар. Хоз. Бел.“ № 11. 1922 г.)

Но если процесс развития лесного хозяйства сопровождается постоянной изменяемостью, и экономические категории, присущие одному периоду,

*) „См. Введение в политическую экономию“. (Предмет и метод) Проф. С. П. Солнцев. Петроград. 1922 г. Изд. „Мысль“.

**) См. вашу статью: „К истории хозяйства в корабельных лесах Белоруссии“.

могут быть чужды другому периоду или ступени развития, то можно-ли говорить о научной теории и научных законах.

Безусловно, да!.. „и задача мыслителя заключается в том, чтобы среди всех уклонений проследить последовательный ход развития человечества и, несмотря на все кажущиеся случайности, установить закономерность этого процесса“ (Фр. Энгельс. От утопии к научной теории. 1905 г. стр. 21.)

Выше мы указывали (гл. V-я), что „все экономические законы должны рассматриваться, как исторически—обусловленные“, и что „задача экономического исследования заключается не в том, чтобы конструировать *вечные* законы, применяемые ко всем ступеням хозяйства, а в том, чтобы изучить каждую эпоху хозяйства в ее исторической обусловленности, в ее зависимости от особенных законов“.

Это не устраниет, однако, возможности применения идеи монизма, которая выражается в стремлении свести сложность исследуемых явлений к первопричине, к одной действующей силе.

Так, напр., мы указывали, что *закон постоянства пользования*, выведенный нами чисто-абстрактным путем и основанный не только на дедукции, но и на наблюдениях—есть закон всеобщий, и что он, в сущности говоря, положен в основу подрасчленения всех лесов на хозяйственные и бесхозяйственные (См. нашу статью: „К вопросу о методах изучения лесохозяйства“. 1922 г. № 3 журн. „Народное Хозяйство Белоруссии“).

Этим мы, однако, не хотим сказать, что закон постоянства пользования древесной является вечным и неизменным законом. Нет. Закон постоянства пользования будет действовать до тех пор, пока останется верной его большая посылка (аксиома), т. е. пока потребности в древесине будут иметь постоянный и неизбывный характер. Как только эта

посылка выпадет—уничтожается и самый закон, ибо с прекращением действия потребностей в древесине, не будет существовать и лесное хозяйство, в современном значении этого термина. Лесное хозяйство заменится тогда парковым или иным, сообразно своей конечной цели—удовлетворения иных, быть может, эстетических или водоохраных, чисто общественных, целей.

Тем не менее, закон постоянства пользования остается в силе—всюду, где имеют место ежегодно повторяющиеся потребности в древесине. Конечно, действие этого закона может парализоваться многообразными противоположными силами, ибо существует не один экономический закон, а несколько, и „ни один из них не имеет своей особенной замкнутой в себе сферы применения или действия, где он господствовал-бы безраздельно. Хозяйственная жизнь, напротив, есть равнодействующая очень многих законов, в своем действии ограничивающих, ослабляющих и уничтожающих друг друга: это—результат многообразно перекрещивающихся сил, действующих и противодействующих“ (см. *Генрих Кунов*. К пониманию метода исследования Маркса).

Отсюда ясна необходимость, как объясняет Маркс, „сперва путем тщательного анализа узнать основные экономические законы в их чистом виде, т. е. без влияния временных побочных действий, и лишь потом изучить их отклонения под влиянием других законов“...

К. Маркс требует, чтобы исследователь умел отличать основные явления от сопутствующих, абстрагировать от случайно или регулярно появляющихся возмущающих влияний и при исследовании первоначальных связей выделять отдельные причины и их специальные действия. Прежде всего, исследователь должен уметь „отделять и изолировать“.

„Упрощение, абстрагирование, изолирование—вполне законные приемы логики и гносеологии“

(говорит С. И. Солнцев). „Научный анализ останется недоконченным, остановившимся на полдороге, если, произведя некоторое упрощение в исследуемом явлении, исследователь удовольствуется констатированием дюжины причин, вызвавших данное явление и ограничится простым указанием на них“. (Введение в политическую экономию). Упрощение сложности явления состоит именно в сведении его к единству, к возможности построения и объяснения его из единого начала, по одному принципу“ (стр. 130-я).

Некоторое применение метода изоляции и абстрагирования нами допущено было в своей работе „О лесном хозяйстве по поясам“ (Кострома. 1919 г.), где лесохозяйственные явления упрощены и объяснены, исходя из единого начала: расстояние дачи от места сбыта.

Объективно-социальный метод, выдвигая идею монизма, указывает на основной первичный фактор: общественное производство, как совокупность общественно-производственных отношений. Этим указанием и следует воспользоваться в первую очередь. Идея примата производства над обменом и распределением отличает метод марксизма от субъективно-психологических методов, где доминирующая роль в экономическом исследовании принадлежит—потреблению.

„Индивиды, производящие в обществе, а, следовательно, общественно-обусловленное производство индивидов—таков естественный исходный пункт“ (говорит К. Маркс в своем „Введении к критике политической экономии“).

Имея предметом своего исследования *материальное производство*, надлежит при изучении лесоводственно-экономических явлений исходить из того, что: 1) лесозэкономическая деятельность находится в зависимости от природных, физико-географических условий (климата, почвы, наличных участков леса и проч.) и 2) что эксплуатация лесных богатств

(потребительных ценностей), которая составляет сущность лесоэкономической деятельности, требует участия труда, создающего прибавочную ценность и дающего древесине ту „общественную субстанцию“, которая превращает ее в товар; поэтому, в действительности, 3) при видимо вещных отношениях лесных товаров (покупка и продажа срубленного и стоящего на корню леса) речь идет всегда о человеческих отношениях, возникающих на почве социально-лесоводственной деятельности, которые, в свою очередь, 4) регулируют степень интенсификации актуальных лесных процессов, направленных на выращивание и улучшение состояния насаждений, как в смысле состава, формы стволов, прироста и проч., так и в смысле введения более рациональной организации лесного хозяйства, в целом.

Не исследование потребительных ценностей, а исследование производственных отношений—вот что дает лесоводу понимание его хозяйственной деятельности и устранил его техническую односторонность в суждениях, оправдывая изречение Козьмы Пруткова о том, что „специалист подобен флюсу“.

... Заканчивая свой небольшой этюд—пособие к семинарским занятиям,—я хочу думать, что оно явится лишь маленьким вступлением для тех, кто посвятил себя лесной экономии.

Цель этого вступления—вести в определенный круг понятий начинающих и дать в руки тот компас, с помощью которого они могли-бы самостоятельно ориентироваться в своем движении по пути к усвоению истины.

Вместе с тем, мне хотелось ответить на те замечания, которые были высказаны „К вопросу о лесной экономии“ проф. М. И. Боголеповым в 43-м выпуске изданий Российской Академии Наук (см. „Лес, его изучение и использование“. Первый лесной сборник. К. Е. П. С. Петроград. 1922 г.)

Не берусь судить о том, насколько мне удалось выполнить поставленные задачи (об этом скажут другие) при тех условиях провинциальной работы, при которых мне приходится заниматься вопросами лесной экономии.

Возражая проф. Боголепову по одному принципиальному вопросу, я в то же время горячо поддерживаю его в тех местах, где он говорит о необходимости создания у нас лесной экономии и о том, что нужно „пестовать и лелеять эту мысль, а главное — совершать необходимую работу“...

„Какая обильная жатва представляется в этом отношении для экономики лесоводства в России. Леса занимают пока еще более трети общего пространства Европейской России, а в северной половине ее и в Сибири более трех четвертей всего пространства покрыто лесом; очевидно, что при таких условиях лесохозяйственная экономия выдвигается на одно из первых мест среди знаний, посвященных разработке наилучших способов культуры почвы“.

— „Необходимо при этом одно только условие. — говорил более 20 лет тому назад проф. М. М. Орлов,*) — должны быть работники, люди преданные интересам лесного хозяйства, понимающие, что в России лесная промышленность занимает выдающееся место, и вносящие ум и энергию в организацию лесного хозяйства и в ее выполнение. Для выработки таких деятелей необходимо, чтобы еще на скамье Высшей Школы у них возбуждался интерес к своей специальности и возникали с нею связи путем опытов самостоятельной работы“...

Таковыми опытами самостоятельной работы и призваны служить семинарии по лесной экономике, — особым введением к которым и служат настоящие собеседования, посвященные экономическим основаниям

*) См. „Содержание и цели лесоустройства“. Вступительная лекция, читанная в лесн. Ин-те 25 сент. 1901 г. проф. М. Орловым.

УКАЗАТЕЛЬ

имен и литературных источников, на которые
сделаны ссылки автором.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

- 1) Г. В. Плеханов. Основные вопросы марксизма.
- 2) Лес его изучение и использование. I лесн. сборн.
К. Е. П. С.
- 3) М. И. Боголепов. К вопросу о лесной экономии.

Г л а в а I.

- 4) „Сельское хозяйство и лесоводство“. март 1865 г.
- 5) В. Рошер. Экономические основания лесоводства.
- 6) Его-же. Системы народного хозяйства (1854—1881 г. г.).
- 7) Гундесгаген.
- 8) Г. Гартиг.
- 9) Пфейль.
- 10) Карл Пирсон. Грамматика науки.
- 11) Г. Гартиг. Lehrbuch für Förster. 1808 г.
- 12) Г. Ф. Морозов. О постановке лесоводственного образования в Университете (посмертн.).
- 13) Его-же. Дарвинизм в лесоводстве 1913 г.
- 14) Ч. Дарвин и 15) К. Маркс 16) Ф. Энгельс
и 17) Меринг: К. Маркс—История его жизни.
- 18) Генрих Кунов. К пониманию метода исследования Маркса.

Г л а в а II-я.

- 19) Д. Кравчинский. О типах лесонасаждений в их хоз. значении 1909 г.
- 20) С. Н. Недригайлов. Об изучении русского леса с экономической точки зрения 1922 г.
- 21) Кольбер. „Oradonance sur les forêts“

лесоводства, с точки зрения марксизма, и тем важнейшим мыслям, которые были высказаны в свое время на страницах разных произведений лесных авторов.

При ближайшем знакомстве с лесной литературой—вами будет разыскано не мало лесоэкономических статей и заметок, останавливаться на которых мы здесь не имели возможности.

- 22) Франсуа Кене, 23) Тюрго и др.
24) Ф. Юдейх Лесоустройство (Die Forsteinrichtung)
7 изд. 1922 г.
25) А. Смит. Исследование о природе и причинах богатства народов. 1776 г.
26) Späth, 27) Hartig, 28) Seutter, 29, Laurop 30) Meyer 31) Pfeil.
32) А. Ф. Рудзский. Лекции по государственному лесному хозяйству.
33) А. Сиворцов. Основания политической экономики 1898 г.
34) Ф. К. Арнольд. История лесоводства.
35) А. Ф. Рудзский. К вопросу о прямой роли леса в народном хозяйстве.
36) Ф. К. Арнольд. Русский лес. т. II ч. I.

Г л а в а III-я.

- 37) А. Краузе. Народно-хозяйственное значение деятелей лесного производства.
38) Hess.) 39) Schwaphach, 40) Weber.
41) Ф. Лист. Das nationale System der politischen Ökonomie.
42) М. М. Орлов. Содержание и цели лесоустройства.
43) А. Г. Марченко. Конечная цель и ближайшие задачи устройства лесов.
44) Его-же. Экономика лесоводства, как специальная дисциплина.
45) Г. Котта. Anweisung zur Forst einrichtung und Abschätzung.
46) А. Вагнер. Grundlegung der politischen Ökonomie.
47) Фин-Енотаевский. К. Маркс и новейший социализм. 1922 г.
48) Туган-Барановский. Основы политической экономики 5 изд. 1918 г.
49) В. И. Переход. К вопросу о методах изучения лесохозяйства. 1922 г.

Г л а в а IV-я.

- 50) В. И. Переход. Очерки по экономике лесного хозяйства 1914—1915 г. г.
- 51) Его-же. Лесная экономия 1919 г.
- 55) Его-же. Теория лесного хозяйства 1922 г.
- 56) С. Л. Франк. Очерк методологии общественных наук 1922 г.
- 57) Н. Лютовский. Очередные задачи лесной экономики 1921 г.
- 58) К. Маркс. „Капитал“. Т. I.
- 59) Р. Гильфердинг. Постановка проблемы теорет. экономии у Маркса.
- 60) С. Оранский. К вопросу о методе политической экономии К. Маркса.
- 61) Альберт Lehrbuch der Staatsforstwissenschaft
- 62) Lehr: Die Forstpolitik.
- 63) М. Эндерс. Handbuch der Forstpolitik.
- 64) Schwappach. Forstpolitik usw.
- 65) Katzer. Zur Gliderung der Forstwissenschaft.
- 66) A. Puton. Traite d'economie forestière.
- 67) Huffel. Economie forestière.

Г л а в а V-я.

- 68) Шарль Жид. Основы политической экономии.
- 69) Г. Котта. Основания лесоводства.
- 70) Ч. Дарвин. Происхождение видов. 1859 г.
- 71) К. Маркс. Zur Kritik der politischen Ökonomie. 1859 г.
- 72) Дарвинизм и марксизм. Сборник статей. 1923 г.
- 73) К. Тимирязев. Ч. Дарвин и К. Маркс.
- 74) Родбертус и Бюхер. 1922 г.
- 75) Густав Экштейн. О методе политической экономии.
- 76) Справочник по лесной промышленности. 1923 г.
- 77) К. Маркс. К критике политической экономии. Москва 1923 г.

Г л а в а VI-я.

- 78) К. Каутский. Экономическое учение К. Маркса.
79) Народное Хозяйство Белоруссии. Журнал за 1922 г. и 1923 г.
80) В. И. Переход. К учению о ценности леса. 1919 г.

Г л а в а VII.

- 81) Шваппах. Таблицы хода роста сосны для северной Германии.
82) Сортимент. Таблицы для Минской губ. 1907 г.
83) Бюффон. Memoire sur-la culture des forêts.
84) Пфейль. Grundzätze der Forstwissenschaft.
85) Пресслер. Der rationale Waldwirth.
86) Г. Гейер. Handbuch der forstlichen Statik.
87) Мартин. Die Forstliche Statik.
88) А. Рудзский. Руководство к устройству русских лесов.
89) Ф. К. Арнольд. Оценка действующих в лесах капиталов.

Г л а в а VIII-я.

- 90) С. И. Солнцев. Введение в политическую экономию. Петроград. 1923 г.
91) М. Орлов. Новые приемы в лесоустройстве. 1923 г.
92) Zeitschrift für Forst und Jagd-wesen 1922 г.

Г л а в а IX.

- 93) В. И. Переход. К истории хозяйства в корабельных лесах Белоруссии 1922 г.
94) Ф. Энгельс. От утопии к научной теории 1905 г.
95) В. И. Переход. О лесном хозяйстве по поясам. 1919 г.
-
-

1934

СОДЕРЖАНИЕ.

	<u>Стр.</u>
Предисловие автора	3.
I. Глава первая	7.
II. " вторая	11.
III. " третья	17.
IV. " четвертая	23.
V. " пятая	32.
VI. " шестая	40.
VII. " седьмая.	48.
VIII. " восьмая.	55.
IX. " девятая.	61.
Указатель имен и литературных источников, на которые сделаны ссылки автором.	68.

